

АККИМ ДРАНИКОВ

ИНКУБАТОР

Акким Драников

Инкубатор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42757004

ISBN 9785449693525

Аннотация

Когда изменения к лучшему затягиваются на столетие, всяко может случиться. К тому же жадность человеческая не знает границ. А если на кон поставлен самый ценный товар в истории человечества, тут уж сотней-другой жертв никак не обойдешься, кровью умоется вся страна.

Содержание

...Да здравствует король!

6

Конец ознакомительного фрагмента.

141

Инкубатор

Акким Драников

© Акким Драников, 2019

ISBN 978-5-4496-9352-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АККИМ ДРАНИКОВ

инкубатор

Часть первая

...Да здравствует король!

Был тихий, ясный вечер. Солнечные лучи скользили по гладкой поверхности озера, с трех сторон окаймленного лесом, покрывая воду неуловимым слоем червонного золота. Окрашенная в черное с белым птица окуналась в это золото и выныривала обратно с серебристой рыбешкой в клюве. Огромные сосны своими вершинами заслоняли пылающий диск, покрывая воду мохнатой тенью.

Типичная картина заката в средней полосе России.

На берегу озера стоял Золотой дворец римского императора Нерона. В лучах заходящего солнца он казался объятным пламенем, поскольку крыша его была покрыта золотом. Внешняя отделка стен дворца, украшавшие его колонны и античные статуи были выполнены из лучших сортов мрамора, яшмы и малахита. Внутри тот же мрамор тонул под покровом перламутра, слоновой кости, драгоценных аппликаций. Залы, кабинеты и покои были уставлены лучшей финской и австрийской мебелью, роскошной и очень удобной, но плохо вписывающейся в античный стиль. Ведь дворец был не оригиналом, а копией, дубликатом, и возвели его не в середине первого, а в начале двадцать первого столетия.

В одной из комнат поддельного дворца собрались семь респектабельных мужчин. На длинном и широком диване, как обычно вместе, устроились все три Нефтяных Барона. Хозя-

ин Горы и Лесной царь облюбовали тахту, Князь Серебряный устроился в кресле, Железный Король сидел за столом.

Лет пятнадцать назад так их прозвали журналисты.

В конце двадцатого века Россия в очередной раз удивила остальной мир. В стране победила демократия, а у власти остались коммунисты. Это противоестественное сочетание стало гарантией отсутствия у государства будущего. Новая российская власть, непоследовательная, как вошь, и с такой же паразитической сутью, лихо провозгласив лозунг «Можно все, что не разрешено», уже через год стала жаловаться на нехватку тюрем. Надо же! При тоталитаризме хватало, а при демократии – нет. Причем, чем больше становилось заключенных, тем ожесточенней свирепствовала преступность. Крали, грабили, насиловали, убивали с каким-то лихорадочным остервенением, будто именно в этом заключался смысл жизни. На улицах, в магазинах и метро мутноглазые дегенераты выуживали взглядом людей, одетых хоть чуть лучше прочих. Шла селекция на готовность убить ближнего за копейку.

Но еще более дикие метаморфозы произошли с организованной преступностью. Во всем мире она развивалась по одним и тем же законам, получая основные доходы от торговли наркотиками, проституции и других нелегальных видов деятельности. Но на развалинах единого и нерушимого царили другие законы, в том числе для преступного мира. Основной доход авторитеты всех мастей и уровней получали от прода-

жи на Запад краденого сырья. Тысячи составов, судов, большегрузных машин с нефтью, металлом, лесом, пушниной, о существовании которых «не подозревали» ни центр, ни власти на местах, могучим потоком хлынули на сильно обалдевшего от такого изобилия западного потребителя, который не мог понять: откуда столько, если производительность добывающих отраслей по официальным данным резко упала? Что же будет, когда она возрастет?

Одновременно произошло еще одно событие, не имевшее аналогов в мировой истории – чиновники преступили черту. Да, глупые и жадные российские чиновники, больше всего на свете любившие чужие деньги, стали жертвами собственного произвола. С трогательным непониманием беря у преступников взятки и позволяя им безнаказанно грабить страну, они, в конце концов, превратились из государственных служащих в членов банды со всеми вытекающими последствиями. И если какой-то чиновник осмеливался отказать своим новым корешам, его пристреливали, безжалостно, как собаку, вздумавшую ни с того ни с сего укусить хозяина. Знали, что на освободившееся место придет другой, умеющий шагать в ногу со временем.

Общеизвестно, что очень многое в России зависит от царя-батюшки. Много, но далеко не все. Второй президент вроде бы сумел усмирить олигархическую вольницу, наиболее одиозные личности были арестованы или бежали из страны. Так мерещилось самым недалеким из обывателей. На са-

мом же деле этими телодвижениями лишь слегка расчистили место у обильной кормушки для новых паразитов, все достоинства которых исчерпывались близкими отношениями с властью предрержащими. Факты уже не говорили, а истошно вопили о неизбежной социальной катастрофе: один процент населения России владел девятью десятыми национального богатства страны. Но то были цветочки, ягодки пошли, когда российская история выписала очередную, неизвестную математической науке кривую, и власть оказалась в руках умнейшего интеллигента-либерала, имевшего единственный, но роковой для страны недостаток: он избегал и даже боялся силовых методов решения любых проблем. Почуввав слабинку власти, теневые хозяева государства возобновили дележ гигантского сырьевого пирога. Гремели выстрелы, взрывались бомбы, как свечи вспыхивали цистерны с нефтью и машины с пушниной. При невыясненных обстоятельствах гибли политики, директора заводов, известные журналисты и уголовные авторитеты. Постепенно круг претендентов на владение азиатским Эльдорадо становился все меньше, стремясь превратиться в точку. Однако не вышло.

Похоже цифра «семь» имеет какой-то, до сих пор точно не установленный, магический смысл. Неспроста еще древние выделяли ее среди множества прочих чисел. После яростной борьбы большая часть вывоза сырья оказалась в руках семи человек. Всезнающие газетчики даже наградили их прозвищами, которые, впрочем, лишь пару раз мелькнули

в печати. Да и о самом факте существования «семерки» говорить публично было не принято, – можно и языка лишиться, причем вместе с другими, более важными для жизни органами.

Итак, три Нефтяных Барона контролировали экспорт энергоносителей, Лесной Царь – древесины и прочих даров леса, Хозяин Горы – драгоценных и поделочных камней, Железный Король – черных и некоторых цветных металлов. Остальными цветными металлами промышленял Князь Серебряный, поделив серебро, золото и платину с Хозяином Горы. Десять лет стояли они во главе своих империй, десять лет правили страной, удерживая ее на требуемом уровне дикости, проводя в жизнь необходимые им законы, назначая нужных чиновников и время от времени отстреливая неугодных.

Сейчас они собрались во дворце Арсения Викторовича Дьяконова – Железного Короля. Надо сказать, что сравнительно недавно в их стройные ряды влился еще один большой человек. Мусорщик – так прозвали его уже не журналисты, а сами члены «семерки». Он сумел монополизировать захоронение на территории России промышленных отходов из всех развитых стран мира. Поначалу «семерка» не обращала внимания на мышиную возню Мусорщика. У них и без того хватало забот, а, кроме того, не хотелось со своих олимпийских высот окунаться в дурно пахнущие отходы. А зря. Буквально через пару лет Мусорщик стал настолько

крупной фигурой, что с ним приходилось считаться. Уничтожить же его оказалось непросто во всех отношениях. Мусорщика окружала целая армия вооруженных до зубов боевиков, а многие его западные партнеры одновременно являлись партнерами членов «семерки». Так «семерка» превратилась в «восьмерку», а в Совет Президента России в срочном порядке ввели еще одного человека.

Этим вечером Мусорщика среди них не было. Железный Король, лично организовавший встречу, не стал его приглашать, опасаясь, что Мусорщик окажется главным противником озарившей Дьяконова идеи.

Дело в том, что последние годы доставили им серьезные неприятности. Из-за сокращения разведанных запасов упала добыча нефти. Население развитых стран исповедовало культ активного долголетия. Люди жаждали истратить с пользой для тела и души накопленные за трудовую жизнь деньги. Невиданные в истории суммы выделялись на медицину и охрану природы. Были изобретены новые материалы, во многом заменяющие древесину, и искусственный мех, почти аналогичный натуральному. Лесной Царь растерял большую часть покупателей, его хозяйство неотвратимо приходило в упадок. Доход за последний год выражался всего-то девятизначной цифрой. Такого ни с кем из членов «семерки» не случалось уже много лет.

Новейшие технологии нанесли серьезный удар и по добыче черных металлов, угрожая благополучию Железного Ко-

роля. Зато несколько возросла потребность в цветных металлах, и дело Князя Серебряного внушало оптимизм. На былом уровне остались доходы Хозяина Горы. И только у Мусорщика бизнес стремительно набирал ход, ежегодно чуть ли не удваивая обороты.

На предварительном совещании, в котором их участвовало всего четверо, было решено – «восьмерка» должна опять стать «семеркой». Лесного Царя следовало убрать, ряды его сотрудников основательно перетрясти, оставив лишь самых толковых и готовых беспрекословно повиноваться новому господину. Наследство покойного уходило Железному королю, а один из Нефтяных Баронов должен был оставить свою долю компаньонам и стать равноправным партнером Мусорщика.

Появление во дворце Дьяконова живого и невредимого Лесного Царя сильно удивило и озадачило Нефтяных Баронов. Ведь Железному Королю следовало убрать его до начала общей встречи, что должно было сделать более сговорчивым Мусорщика, чье отсутствие тоже вызывало недоумение.

Но Железный Король еще больше удивил собравшихся, предложив кардинальное решение возникших проблем. План Дьяконова был настолько фантастичен, что поначалу ему дружно порекомендовали как можно скорее обратиться к психиатру. После ожесточенной перепалки, в которой бестолковым эмоциям оппонентов Дьяконов противопоставил хорошо подобранные документальные материалы, Пер-

вый Нефтяной Барон, самый влиятельный в этой компании, бросил:

– Ты извини, Арсений Викторович, но мне кажется, что глупо даже обсуждать твою затею.

– Ну почему же? – неожиданно встрял Лесной Царь. – Во всяком случае, звучит очень заманчиво. Давайте сделаем вот что. Дадим ему испытательный срок. Если он сумеет за квартал заработать миллиард, вернемся к обсуждению этого вопроса.

– Я его за неделю сделаю, – задиристо, с явным вызовом бросил Дьяконов.

– Да хоть десять миллиардов! – в сердцах воскликнул Первый Нефтяной Барон. – Мы собрались обсудить, как наладить дела, а не заниматься бредовыми идеями. Может нам еще поискать способ превращения железа в золото?

– Только, ради Бога, не вижу, зачем спор, – рассудительно заметил Хозяин Горы. – Человек не просит денег. Ему нужно наше согласие. Так где проблема? Дадим ему наше согласие, с нас не убудет.

– Ну, Михаил Соломонович, если так рассуждать, можно черт знает до чего договориться, – Первый Нефтяной Барон все еще надеялся, что сумеет своим авторитетом переломить упорное сопротивление компаньонов.

Но не тут-то было. Даже оба его напарника высказались за испытание на практике идеи Железного Короля.

Удо Шлиц, владелец химического концерна и один из богатейших людей Германии, терпел очередное поражение в борьбе за сон. Непросто заснуть старому человеку, который знает, что его дни сочтены, если к тому же, несмотря на обезболивающее, тело словно раздирают на части десятки злых гномов. Поэтому Удо уловил скрип открывающейся двери и с трудом повернул голову.

– Кому еще не спиться, – успел подумать он – жене, дочери?

И тут Шлиц увидел незнакомого мужчину. Тот приложил к губам палец, то ли умоляя, то ли требуя молчать.

– Интересно, – почему-то не испугался, а разозлился Шлиц, – зачем мне сверхнадежные запоры и охрана, если любой желающий может запросто оказаться в моей спальне?

– Господин Шлиц, – с чуть заметным акцентом сказал незнакомец, располагаясь так, чтобы на его лицо падал робкий свет ночника, – прошу извинить меня за неожиданное вторжение. Поверьте, на это были достаточно веские причины. Мой хозяин поручил мне передать вам деловое предложение, а господин Бреме любезно согласился организовать встречу с вами. Господин Бреме просто счастлив, что сумел оказать услугу моему хозяину.

– Ах, вот оно что. Бреме – один из самых опасных в Европе гангстеров. И очень влиятельный человек. Настолько влиятельный, что и мне несколько раз приходилось пользоваться его услугами. Довольно надменный тип. Неужели есть

люди, перед которыми он готов плясать на задних лапках? Что-то не верится. – Шлиц приподнялся на подушках и медленно заговорил. – Молодой человек, вот уже полгода, как я отошел от дел. Сейчас мой единственный компаньон или конкурент – это старуха, знаете, такая, с косою. Не думаю, что вы или ваш хозяин захотите раньше отмеренного срока принять участие в нашей игре.

– Как сказать, как сказать, – совершенно неожиданно ответил незнакомец и протянул Шлицу две фотографии. На одной была снята собака, обыкновенная дворняга, только почему-то с двумя головами.

– Шуточки таксидермиста, – подумал Удо и нехотя взял вторую карточку.

На ней та же собака с аппетитом обедала, причем одна голова грызла кость, а вторая жадно лакала суп.

– Не понимаю, вы что, хотите выращивать двухголовых мутантов? И ради этого надо было ночью лезть в мою спальню?

– Вы, конечно же, никогда не слышали фамилию Демехов. А ведь он был хирург от бога. Эта собачка на фотографии – не чучело и не мутант. Просто (хотя на самом деле это было ой как сложно) Демехов присобачил обычному псу вторую голову. И она прижилась. Снимок этого чуда хирургического искусства лет семьдесят тому назад печатался во многих журналах. Потом, однако, пустили слух, что снимок – фальшивка. Но фальшивыми были именно слухи. И организова-

ло их одно очень солидное ведомство. КГБ, может, слышали? – молодой человек улыбнулся одними губами.

Удо в знак согласия едва заметно кивнул головой. Присутствие незнакомца перестало тяготить его, напротив, отвлекало от мыслей о неизбежном. Ох, как горько покидать эту землю, когда столько не успел, недополучил, порой легкомысленно проходил мимо, забывая, что другого раза может и не представится. Сейчас, с его финансовыми возможностями вернуть бы молодость хоть на пару месяцев. Мрачное ожидание томило истерзанную душу, особенно по ночам, а молодому человеку каким-то образом удалось снять невыносимую нравственную боль, облегчить страдания.

– И тому имелась очень веская причина, – продолжал незнакомец. – У Демехова был ученик, такой же талантливый, как учитель, сумевший добиться еще больших успехов в нейрохирургии. Его исследованиям сразу присвоили высшую степень секретности. Кремлевские старцы надеялись с его помощью добыть путевку в вечность. Однако работа застопорилась. Если кровеносные сосуды двух разных тел удавалось худо-бедно соединить, то с нервами возникла неразрешимая проблема. Сигналы от головного мозга не передавались телу. Все же проект щедро финансировался, причем даже в суровые для России девяностые годы. И одному из нового поколения ученых-нейрохирургов пришла в голову крамольная мысль. Он решил пересаживать только мозг, хотя на первый взгляд это еще сложнее, чем манипуляции с го-

ловой. В реальности новый метод оказался перспективнее, особенно когда к делу подключился талантливейший компьютерщик. После года напряженной подготовки нейрохирург решил сделать первую операцию на собаке. В это время у проекта сменился владелец. Государство закрыло его, мотивируя тем, что за сорок лет потратило громадные деньги, не получив никакой отдачи. К счастью, мой хозяин посвящен в большинство государственных тайн. Он взял на себя финансирование работ.

– Сейчас вы скажете, что опыты на собаках прошли успешно, но для более масштабных экспериментов вам нужны деньги. Мои деньги – проговорил Шлиц с максимально возможным в его положении сарказмом.

Мол, знаю я все ваши штучки, навидался за свою длинную жизнь вагон и маленькую тележку аферистов. Меня не проведешь!

– Зачем же! Специалисты моего хозяина владеют способом пересадки мозга и уже испытали его на людях. Последние опыты неизменно заканчивались успехом, – без эмоций, словно называя счет последнего футбольного матча, сообщил молодой человек.

До Шлица не сразу дошло значение его слов. А когда дошло, он вдруг забыл о скептицизме и удивленно воскликнул:

– То есть вы в состоянии сделать человека бессмертным – так надо понимать?

– В общем да. Но не каждого. К тому же в самом начале

мы столкнулись с досадным препятствием. Вы должны нам помочь устранить его.

– Не понимаю.

– Дело в том, что у моего хозяина есть компаньоны. Это очень, очень могущественные люди. Состояние каждого из них превосходит ваше. Но до сих пор их бизнес не имел никакого отношения к... э... медицине. Они сомневаются в успехе, а без их согласия мой хозяин не может начать столь перспективное дело. Компаньоны поставили условие: как только он заработает на своей идее миллиард, они возобновят обсуждение.

– И давно ваш хозяин отправился на вольные хлеба?

– Неделю тому назад. Он уверен в успехе, но хочет добиться его как можно скорее.

– То есть рассчитывает получить сумму с одного человека. И этим человеком оказался я. Что ж, с точки зрения умирающего, десятая часть его капиталов – весьма скромная плата за новую жизнь. Если только ваш хозяин действительно в состоянии дать мне ее... А вы, молодой человек, оказались правы. Явись вы днем – я приказал бы выставить вас за дверь.

– Я повторяю – мой хозяин очень богат. Ему не нужны ваши деньги – ему необходимо убедить своих компаньонов. К тому же Бреме готов поручиться за него.

– На миллиард?

– Да. Но можно обойтись и без Бреме. Мой хозяин не ста-

нет возражать, если вы рассчитаетесь с ним после операции.

– И он не боится, что я вообще не заплачу?

– Стоит ли получать новую жизнь, чтобы сразу ее потерять?

– Вы полагаете, что, вернувшись домой, я не сумею обезопасить себя? – с интересом спросил Шлиц.

– Даже не думайте. Это то же самое, что держать тигра – людоеда в бумажной клетке. Но если мы остановимся на этом варианте, я имею в виду не попытку уклониться от расчета, а оплату после завершения дела, вы должны будете хранить причитающиеся нам деньги так, чтобы могли получить их в любом облике. Скажем, арендовать в банке сейф с только вам известным шифром. Мало ли – вдруг ваши родственники не поверят в воскрешение. Кстати, – незнакомец протянул Шлицу новые фотографии, на этот раз около десятка. – Вот, пожалуйста, выбирайте. Четыре молодых человека. Анфас, профиль, голые в полный рост. Скоро вы станете одним из них.

– Хороши! – восхищенно заявил Шлиц, придирчиво изучив снимки. – Даже не знаю, на ком остановиться. Ну ладно, пусть будет этот. Только учтите, мне бы не хотелось, чтобы он оказался убийцей.

– Ну что вы! – Молодой человек улыбнулся широко и открыто. – У нас товар самого высшего качества. Без скрытых дефектов. Кстати, вы положите фотографию своего избранника в сейф, ключ отдайте адвокату и укажите в завещании,

что ваше состояние получит именно этот человек при условии, что он скажет какую-нибудь ключевую фразу.

– И сможет поведать о деталях моей личной жизни, известные только близким. Действительно, это будет гарантией, что вы не завладеете моими деньгами при помощи хитроумного трюка. Однако этого мало, надо для страховки придумать еще что-нибудь. Впрочем, это уже мои проблемы... Скажите, мы летим в Россию?

– Да, то есть н... Как вы догадались?

– Ну, это было не трудно. У нас много говорят о таинственных личностях, контролирующих вывоз половины русского сырья. Перед кем еще мог так лебезить Бреме, не заискивавший даже перед крестными отцами из Америки? И главное – кому, кроме русских, могла прийти в голову такая идея. Нищая страна, – а какие люди!

Дьяконов пытался не нервничать. Он сидел в мягком кресле, погрузившись в воспоминания. Около трех лет тому назад к нему сумели пробиться два человека: нейрохирург и компьютерщик. Оба средних лет, уже успевшие набраться опыта, но не потерявшие молодого задора. Умницы, золотые головы, и при этом явно не собирающиеся спиваться – сочетание для русского человека просто уникальное. Но все равно на вещи смотрели узко, предложили вторую жизнь только Арсению Викторовичу. Зато Дьяконов сразу ухватил суть, понял, что дело касается не его одного, тем более что соб-

ственное тело Железного Короля пока устраивало, и в ближайшем будущем он не собирался с ним расставаться.

Ведь почему человек так остро реагирует на смерть, в сущности, единственно неизбежное явление жизни? Да потому, что наделен бессмертным разумом, который заключен в брэнную оболочку. Сколько религий на этой почве навывдумывали – лишь бы уговорить самих себя, что со смертью разум, он же душа, продолжит жить отдельной жизнью. А дело все в том, чтобы вовремя сменить износившееся тело на новое. Для этого человеку требовалось только дойти до определенного уровня развития. И тот, кто первым сумеет заменить бессмертие от бога реальным бессмертием, достигнутым благодаря новейшим достижениям науки, станет самым влиятельным человеком мира, хозяином Земли. Потому что он сможет предложить людям самый ценный товар в истории человечества.

Но, похоже, его компаньоны этого не понимают. Через неделю после операции к пациенту явился Нефтяной Барон со своим переводчиком. Он долго говорил со Шлицем, а потом вдруг не меняя тона сказал: «Пришей его». Ничего не понявший Удо ожидающе смотрел на переводчика, зато Дьяконов резко оглянулся, высматривая исполнителей убийства.

– Успокойся, Арсений Викторович, – добродушно проурчал Нефтяной Барон. – Надо же нам было проверочку устроить. А вдруг ты лапшу на уши вешаешь? Ведь мог подсунуть

вместо немца своего холуя – вот и вся пересадка мозга.

Проверочка завершилась благополучно, а оговоренный миллиард был заработан всего за месяц. И вот они собрались вновь, теперь уже вместе с Мусорщиком, у Нефтяного Барона. Единственный из всей «восьмерки», он не имел ни имени, ни хотя бы скромного бунгало в каком-нибудь всемирно известном месте отдыха. Несколько лет тому назад Нефтяной Барон приобрел бывший Всесоюзный Дом Ученых, расположенный рядом с морем и буквально под боком знаменитого Никитского ботанического сада. Здесь он проводил до половины лета, а на уговоры махнуть в декабре-январе на Сейшелы, неизменно отвечал, что зимой плавают-загорают только негры, а белый человек в это время должен заниматься делом.

Сегодня Дом Ученых частично оправдывал свое старое название. Если бы не очередное научное достижение, не собралась бы здесь «семерка» в полном составе. Однако этим людям была глубоко безразлична научная сторона дела. Их волновало совсем другое.

– Ну, начинай, Арсений Викторович, – сказал Нефтяной Барон. – Небось наобещаешь с три короба, а выйдет пшик.

Дьяконова от этих слов передернуло. Ну почему старый хрыч заранее вставляет палки в колеса? Боится потерять лидерство? Или, как всякий старик, не решается начать новое дело? Ну, ничего, прошло его время, теперь слово за ним, Дьяконовым.

– Россия была, есть и будет сырьевым придатком Запада. Такая у нее судьба. А от судьбы, как известно, не уйдешь. Сначала из страны уплывали природные ресурсы, затем потекли мозги, сегодня пришла очередь тел. Хотим мы этого, или не хотим, но другого пути нет. Значит, мы должны полностью взять это дело в свои руки. Между прочим, без русского сырья и умов Запад мог худо-бедно обойтись. Но если все хорошо продумать – от тел он отказаться не сможет. Теперь – что я предлагаю.

Сейчас в развитых странах насчитывается около миллиарда белых людей. Разделите это на среднюю продолжительность жизни – получится грубо около двенадцати миллионов покойников ежегодно. Среди них не менее одного процента людей достаточно богатых, способных без проблем выложить два миллиона за новое тело. То есть, получается более ста тысяч пациентов в год. Вот на эту цифру и надо ориентироваться в первое время, хотя в будущем она, несомненно, возрастет.

– Погоди, погоди, – перебил Дьяконова Лесной Царь. – За кандидатами в покойники, ясное дело, задержки не будет. Можно набрать и в десять раз больше. Но где взять столько тел – ведь все это, как я понимаю, изначально здоровые, молодые люди?

– И надо ли нам столько? Можно реанимировать ежегодно тысяч пять и брать с каждого по двадцать миллионов, – добавил Хозяин Горы.

– Ни в коем случае! – возразил Арсений Викторович. – Господа, стоит ли напоминать, что любое изобретение вскоре становится достоянием врага или конкурента. Возьмите атомную бомбу или космические корабли. Если мы будем ежегодно обслуживать даже сорок тысяч клиентов и брать с них лишь пять миллионов – в конце концов нас обойдут. Я не случайно назвал цифры сто тысяч человек и два миллиона долларов. Когда поставим дело на поток, расходы не будут превышать одной четверти. Сто пятьдесят миллиардов прибыли в год – неплохо?! Но сначала придется изрядно растряссти свои капиталы.

– Но где мы возьмем столько тел? – повторил вопрос Лесного Царя Князь Серебряный. – Даже нам не позволят каждый год забирать у России сто тысяч жизней. Что скажешь, дорогой?

– Слушай, Ахтуб, а один раз, и не забрать, а одолжить у России с возвратом сто тысяч жизней мы сумеем?

– Конечно. Но ты же сам сказал – один раз мало, надо все время. Теперь говоришь – достаточно. Честное слово, не понимаю.

– Объясню. Нам нужно сто тысяч женщин, которые каждый год будут рожать по ребенку, то есть новому телу. Это главная проблема. Операцию по изъятию самок надо провести очень аккуратно, а то поднимется слишком много вони. Для женщин и детей придется выстроить новый город – ведь пересадка становится возможной только, когда тела достиг-

нут совершеннолетия. Я уже присмотрел за Волгой укромное место. Кроме того...

– Довольно! – взревел Первый Нефтяной Барон. – Мало того, что наших женщин рассовали по борделям всего мира, да повыдавали замуж за иностранцев. Причем выбирали самых лучших. Так теперь ты. И тоже, небось, красавиц тебе подавай. А кто останется? Кривоногие, толстожопые и косоглазые? Превратим Россию в страну уродов! А вы все, что молчите? Или обещанные миллиарды разум помutilи. Так вам и своих денег ни за что не потратить, зачем еще?

– Егор Афанасьевич, мне понятны ваши эмоции, – примирительно сказал Дьяконов, – но поймите и вы. Метод создан, и кто-то обязательно им воспользуется. Не мы, так другие. Глупо упускать такую возможность.

– Уважаемый Арсений Викторович, вы предлагаете нереальные вещи, – поддержал Нефтяного Барона Хозяин Горы. – Лифшиц немного умеет считать. И вот какая жуткая картина встает перед нами после элементарных арифметических действий: почти два миллиона обреченных на смерть детей разного возраста. Из них четверть способна хоть как-то постоять за себя. При таких масштабах невозможно скрыть от них то, что их ожидает. А матери? Неужели вы думаете, что они бросят на произвол судьбы своих детей? Чтобы удержать их всех в повиновении, понадобится целая армия охранников, на которых уйдут все ваши миллиарды. И главное. Если в мире узнают об этой затее, российское пра-

вительство вынудят серьезно заняться нами. Вот Лифшиц и сомневается, стоит ли игра свеч.

– Видите ли, Михаил Соломонович, на всякое «ядие» есть свое противоядие. Надеюсь, вы помните историю с «Витаболом»? Нет. Ну как же? Лет пятнадцать тому назад в Швейцарии разработали новый препарат. При его приеме беременной женщиной ее ребенок рождался абсолютно здоровым, даже если казалось неизбежным какое-нибудь наследственное заболевание. Точнее не ребенок, а детеныш, поскольку сотни блестяще удавшихся опытов были проведены на животных. Казалось, и дальше все складывается замечательно. Дети женщин-добровольцев до года ничем серьезно не болели и развивались практически нормально. Препарат запустили в производство. Но тут что-то насторожило ученых. Продажу «Витабола» временно, а потом и навсегда запретили. Оказалось, он каким-то образом воздействует на мозг. Дети, чьи матери принимали «Витабол», мало чем отличались от животных. Их невозможно было научить говорить, они не умели думать и чему-нибудь обучаться. Так что зря нервничаете, господа. Ведь придется иметь дело не с детьми, а с абсолютно безмозглыми человекообразными детенышами. А для сующих нос не в свое дело представителей всяких организаций мы их представим, как генетических мутантов, специально для пересадки выведенных из пробирки. Тоже, конечно, поднимут галдеж. Но к тому времени на нашей стороне будут тысячи получивших вторую жизнь влиятельных

людей со всего света. Так что галдежом и ограничится.

– Скажите, Арсений Викторович, – подал голос Мусорщик, – а может, было бы дешевле выращивать эти... э... тела, так, как вы сказали, вне материнского организма, искусственным путем.

– Увы, пока это невозможно. Во всяком случае еще никому не удавалось вырастить из зародыша младенца вне утробы матери. Но мои ребята уже занимаются этим вопросом. Так что, Руслан Иванович, когда-нибудь мы сможем отказаться от услуг женщин.

– Я старый человек, – снова вмешался Хозяин Горы, – мне семьдесят лет. Может я и успею вложить в ваш проект деньги, но получить прибыль мне точно не доведется. Ведь первые доходы ожидаются не раньше, чем через двадцать лет. Верно я говорю?

– Михаил Соломонович, вы что, не понимаете? Стоит вам захотеть – и вы станете двадцатилетним.

– Нет, это вы не понимаете. Вы что, хотите, чтобы Лифшиц ходил необрезанным?

– Так в чем проблема? Минутное дело, чикнул – и готово, – ответил Дьяконов, не зная, шутит Хозяин Горы или говорит серьезно.

– Проблема в другом. Я, уважаемый Арсений Викторович, не знаю, что выглядит нелепей, обрезанный русский или необрезанный еврей. Ну, разве при наших порядках даже по благу вы сумеете обеспечить мне тело чистокровного

иудея?

– Кончай балаган. Я вижу, куда Лифшиц клонит. Развселить публику, сбросить пар, и под шумок протолкнуть то, что предлагает Арсений. Мойша, я верно говорю? – грубо оборвал Хозяина Горы Первый Нефтяной Барон.

Лифшиц молчал, сделав вид, что не заметил явного оскорбления.

– Не выйдет... Да, в последнее время дела наши идут не совсем так, как хотелось. Вот и надо всерьез заняться ими, подправить, где следует, а не гоняться за мертвыми душами. Ты вот что, Арсений, докторишку своего держи в строгой изоляции, исключительно для наших потребностей, немца предупреди, что все, отбой, пусть помалкивает, если жить хочет. Никаких женщин, никаких безмозглых детей – люди мы в конце концов или совсем уже... даже не знаю кто.

– А ты на нас не дави! Лучше о будущем подумай, – неожиданно взорвался Лесной Царь. – Отошли наши золотые денечки. Сегодня мой лес брать не хотят, завтра всю нефть высосите до капли – как жить будем?

– Не прибедняйся, Григорий Ильич, на наш век хватит.

– То-то, что на наш. А о детях и внуках ты подумал? Им что останется?

– Хватит и правнукам, – самоуверенно заявил Нефтяной Барон.

– Ага, размечтался. А ты прикинь, сколько денег идет на чиновников да бойцов наших. Сам знаешь, перестанем

платить чиновникам – мигом окажемся за решеткой. Распустим бойцов – нас в тот же день перестреляют. И за бугор уходить глупо. Слишком много мы знаем, чтобы нам позволили наслаждаться там мирной жизнью. Неужели трудно понять элементарную вещь – мы создали империю, добились ее процветания, уничтожили всех удельных правителей, а теперь стоим перед выбором: еще больше увеличить нашу мощь или пустить дело под откос? Так выбирайте, но учтите: когда рушатся империи, под обломками гибнут их правители.

– Ну что ж, – спокойно констатировал Мусорщик, – мнения сторон мы выслушали. Может, еще кто хочет высказаться?... Нет. Очень хорошо. Тогда давайте решим – принимаем мы предложение Арсения Викторовича или нет.

Но никто не собирался следовать разумному совету. Ну кто такой Мусорщик? Дешевка, скороспелка, выскочка, чье дело сидеть, слушать уважаемых людей да помалкивать. А чтобы лезть со своим поганым мнением – об этом и думать не смей. Так нет же – знаком с ними без году неделя, а уже командовать пытается. Что же дальше будет? Надо, надо поставить наглеца на место.

Первым не выдержал самый горячий – Ахтуб.

– Нехорошо, слушай. Вот Арсений Викторович, Егор Афанасьевич – уважаемые люди, ведут разговор, каждый хочет высказать свои мысли. Почему мешаешь, куда торопишь? И кто ты такой, чтобы здесь командовать?... Я

не знаю, может у тебя каждая «шестерка» указывает хозяйину, что ему делать. Всякое бывает. Но у нас так не принято.

– Ну вот, – с досадой подумал Дьяконов, – дело грозит закончиться безобразным мордобоем. Может даже кого-нибудь выбросят из окна на прибрежную гальку. Красивое было бы зрелище, но ведь не для того собрались.

– Успокойся Ахтуб. Я думаю, Руслан прав. Мы уже все обсудили, каждый, надеюсь, пришел к определенному решению, так давайте, высказывайтесь, – хотя слова звучали примирительно, в тоне Дьяконова проскальзывали стальные нотки.

– Чего тут высказываться, по-моему, все ясно, – Первый Нефтяной Барон не изменял своему агрессивно-напористому стилю. – Позабавил нас Арсений Викторович – и хватит. Как говорится, делу время, а потехе час.

Он обвел глазами собравшихся и, остановив свой выбор на третьем Нефтяном Бароне, спросил:

– Правильно я говорю, Аркадий?

– Не знаю, не знаю, Егор Афанасьевич. Я еще не пришел к окончательному решению. Так что пока воздержусь.

Дьяконов едва сдержал радостный возглас. Если уж ближайший компаньон, пусть не до конца, а всего на половину идет против Хомутова, то что говорить про остальных. Только теперь он полностью уяснил себе смысл выражения «новое всегда с трудом пробивает себе дорогу». И чем грандиознее открытие, тем больше рогаток и препон на его пути.

Нефтяной барон был ошарашен. Предательство самого надежного союзника настолько потрясло его, что он обреченно плюхнулся в кресло и вяло шевельнул рукой – мол, продолжайте без меня. Хомутова выручил Второй Нефтяной Барон:

– Думается, наше положение не столь безнадежно, чтобы, сломя голову, бросаться в предложенную Арсением Викторовичем авантюру. Я против.

– Это не авантюра, а самый перспективный бизнес, по крайней мере на ближайшие сто лет. А может быть и на миллион, – возразил ему Лесной Царь. – Упустим момент – потом будем локти кусать... друг другу. Я поддерживаю Арсения Викторовича.

– Авантюра, уважаемый Денис Семенович, – это когда старый человек, перед тем, как затащить даму в постель, рассказывает ей о том, сколь неутомимо он это проделывал в молодые годы, – как бы между прочим, заметил Хозяин Горы.

Ответом на эту фразу стал взрыв хохота. Все знали о слабости, которую питал к ласковым красоткам почти семидесятилетний Второй Нефтяной Барон.

– Что же касается обсуждаемого предмета, то я пока воздержусь. Надо, знаете ли, все как следует обдумать, – закончил Лифшиц.

– Чего тут думать – стрелять надо за такие вещи. Женщина – это же цветок, персик, украшение дома. И рожать она

должна наследников мужу, а не уродов безмозглых. Запомни, Арсений, в любом случае рассчитывайте только на своих баб. Если поднимите руку хоть на одну нашу женщину – плохо тебе будет. Ты меня знаешь – Ахтуб слов на ветер не бросает.

– Все, приплыли, – Дьяконов тяжело вздохнул. Радостное возбуждение сменилось ощущением полнейшей безысходности. – Двое – «за», трое – «против», двое воздержавшихся. Остался один Мусорщик. Но ему-то какой смысл лезть в новое предприятие, если и так гребет деньги лопатой. Значит тоже против. В скором времени к ним примкнут оба воздержавшихся. И уже никто не спасет Лесного Царя от переселения в мир иной. И останешься ты, Арсений Викторович, в гордом одиночестве.

– Не знаю, какие еще привести аргументы, поэтому просто скажу: я целиком поддерживаю новое начинание.

До Дьяконова не сразу дошло, что это высказал свое мнение последний из них. Значит Мусорщик, несмотря на свое процветающее дело, решил поддержать его. Почему? Впрочем, это другой вопрос. Главное – первая схватка закончилась вничью. Хомутов тоже понял, что в последний момент победа ускользнула из его рук. Он еще раз презрительно, чуть ли не с отвращением смерил взглядом Третьего Нефтяного Барона и сухо, даже без видимости радушия, заявил:

– На сегодня с делами покончили. Сейчас перекусим, а потом желающие могут искупаться.

С этими словами он нажал синюю кнопку – одну из трех, смонтированных сбоку стола. Буквально через несколько секунд в комнату вошла женщина неопределенного возраста, но определенно непривлекательной внешности. Приземистая, кривоногая, с лицом, увидев которое начинает казаться, что у монашеской жизни есть свои прелести – она была такой и десять и двадцать пять лет тому назад. Ровно столько Лариса прослужила у Хомутова секретаршей. О ее деловых качествах и практичном уме ходили легенды. Внешность Ларисы тоже пришлась по душе Нефтяному Барону. Около красивой девушки вьются толпы поклонников. Поди разберись – кого привлекают прелести самой красавицы, а кого секреты ее хозяина. С Ларисой же все было ясно. Стоило какому-нибудь элегантному молодому человеку пригласить ее в ресторан, и ухажером вплотную занимались люди Хомутова. Незадачливый кавалер после недолгого запырательства и сопутствующих ему повреждений той или иной степени тяжести, признавался в истинных причинах столь извращенного интереса к женщине, способной пробудить у мужчины только одно чувство – обиды за весь остальной прекрасный пол.

– К вам уже два часа пытается дозвониться Хайдаров, – на лице у Ларисы нуль эмоций. Голос сух и шершав, словно наждачная бумага. Таким хорошо «снимать стружку» с подчиненных.

Собравшиеся изумленно переглянулись. Саид Хайдаров

для их круга – фигура одиозная. По всей средней Волге он единолично контролирует торговлю наркотиками, проституцию, рэкет – стандартный набор крупного мафиози или, говоря по-русски, пахана. Какие могут быть у Нефтяного Барона дела с этим типом? Чувствовалось, что Хомутов озадачен не меньше своих компаньонов. Однако после непродолжительных колебаний он кивнул – соедини.

– Ну, здравствуй, Насреддин, давненько я тебя не слышал, давай рассказывай, как поживаешь?

Дьяконов осуждающе качнул головой. Насреддином Хайдарова прозвали за феноменальную хитрость. Правда, в отличие от фольклорного героя, Саид был скорее подл, чем хитер. Может, именно поэтому буквально на стену лез, когда его называли Насреддином. Хомутов не мог не знать этого, значит, оскорблял пахана намеренно. А члены «семерки» хотя и брезговали уголовниками, старались с ними не конфликтовать.

– Говоришь, не до рассказов тебе? А в чем дело? ... Просьбочка имеется? Ах, Саид, одному тебе скажу, по секрету – несчастный я человек. Все словно сговорились: Хомутов, сделай то, Хомутов, сделай это. И хоть один человек пришел бы, предложил так душевно: «Егор Афанасьевич, дорогой, может у тебя просьба какая есть? Говори – все сделаю». Жаль, нет сейчас таких людей, боюсь, вымерли все до единого... Ну, это так, к слову. Какие, Саид, проблемы?... Человека твоего взяли? А хоть хороший был че-

ловек?... Правая рука? И кто взял?... Бригада из Москвы. То-то я думаю, неужели Саид в своем хозяйстве разобраться не может. Да, тяжелый случай. А ведь мы вам предлагали, ко всем авторитетам с поклоном ходили, давайте московских бугров кормить вместе. И что же нам, Саид, твои корешки ответили? Дескать, они люди бедные, им и на местных чиновников наскрести не всегда удается. Только вот неувязочка получается. Откуда у бедных людей деньги на дворцы, яхты, бриллианты для любовниц? Если ты бедный человек – должен ходить с голой задницей. А если у тебя копейка завелась – думай, куда ее потратить в первую очередь. А то вечно норовите проскочить на халяву. Сколько ж можно? И потом, поздновато ты, Саид, опомнился. У меня об этом человеке соответствующие органы еще с утрачка справлялись. Мол, не ваш ли, уважаемый Егор Афанасьевич, сотрудник сгоряча пристрелил таксиста, слегка поцарапавшего своим авто его драгоценный лимузин. «Нет, – отвечаю, – у меня такие неуравновешенные типы долго не задерживаются. А почему вы решили, что он мой?» «Да вот, сидит, грозит, что камня на камне не оставит от нашего заведения, если немедленно не отпустим. Заодно упомянул о каких-то могущественных покровителях, на вас намекнул. Лучше бы Богу молился, что жив остался – ведь убитый таксист вез двоих московских ребят из комитета по борьбе с бандитизмом. Из-за этого инцидента у них что-то серьезное сорвалось». «Значит, угрожает? -спрашиваю». «Еще как!» «А вы по почкам не пробова-

ли?» «Собирались, но надо же было выяснить, что за человек. Сейчас сделаем». Так что забудь, Саид, о своей бывшей правой руке. Ищи новую. Успехов тебе. Пока.

– Вот, гнида, – мысленно прошелся Дьяконов насчет Хомутова.

Только к концу разговора до него дошло, чего именно добивался Нефтяной Барон. Уже сегодня все авторитеты обычного уголовного мира будут знать, что сырьевики окончательно обнаглели, и их пора как следует проучить. Конечно, финансовые возможности и связи в Госаппарате у паханов куда скромнее, но бойцов могут выставить столько же, да и местные власти половины России под ними ходят. Если дело пойдет на принцип, начнется нешуточная заварушка, и новый проект на неопределенное время придется отложить.

– Ай, да Егор Афанасьевич. Недаром он, единственный из них, успел при Советской власти оказаться в рядах номенклатуры. Пацан Мусорщик, небось, и значения этого слова не знает. А уж об умении на любой ход противника мгновенно отвечать хитро закрученной интригой им всем остается только мечтать. Но сейчас Хомутов, кажется, перестарался, следуя большевицкому лозунгу «победа любой ценой». Он рассчитывает всех их втравить в схватку с урками, а ведь можно за его спиной договориться и оставить уважаемого Егора Афанасьевича один на один с паханами. Называется «не рой другому яму – покойником будешь». Стоп. А может,

мне вместо Лесного Царя заняться Хомутовым. Заварушка начнется, и уберу его под шумок. Это стоит обдумать...

– Непостижимые люди, дикая самурайская логика, – Мусорщик по-европейски отпил немного, поставил бокал на место.

Возвращаясь от Нефтяного Барона, в аэропорту он попросил Дьяконова «подбросить его», пояснив, что его «борт» что-то барахлит. Теперь становилось ясно, что мифическая поломка самолета – лишь предлог для конфиденциального разговора.

– Ведь сколько лет они наслаждаются властью, пусть ограниченной территорией одного государства и его правительством, но большой властью. А теперь, когда им предлагается практически безраздельная власть планетарного масштаба, они начинают рассуждать про какие-то деньги, прикидывать выгодно или нет, завывают о судьбе несчастных русских женщин.

Дьяконов хотел возразить, что большинству его приятелей власть сама по себе нужна, как земле – колхозы. Второй Нефтяной Барон и Лесной Царь, несмотря на почтенный возраст, продолжают горячо любить женщин, правда, в последние годы, если можно так сказать, полуплатонически. Третий Нефтяной Барон обожает хорошо закусить. Именно закусить, а не выпить, поскольку спиртное выступает в роли стимулятора аппетита. Хозяин Горы помешан на драгоценных камнях. Вся страна могла бы несколько дней не ра-

ботать, если национализировать и продать его коллекцию. И она продолжает стремительно увеличиваться.

Хомутов – тот да, конкретно помешан на власти. Потому и верховодит в их компании. Потому и норовит зарубить на корню идею Железного Короля, считая, подобно Цезарю, что «лучше быть первым в провинции, чем вторым в Риме». Ахтуб – тот любит все – и власть, и вино, и женщин, так что, по идее, должен плохо кончить. Вот как мог возразить Мусорщику Дьяконов, но не стал. К чему метать бисер, если уже имеешь определенное мнение о собеседнике. Хотя сейчас Арсений Викторович подумал, что, возможно, это мнение ошибочное.

– И козе понятно, что загвоздка в одном человеке. Остальные – бараны, куда пастух укажет, туда и поплетутся. Но этот – его не переубедишь. Он будет стоять, как скала. А скалу, если она оказалась на твоём пути, не уговоришь слегка посторониться. Ее можно только убрать. Арсений Викторович, если и вам пришла в голову та же мысль, знайте – я полностью на вашей стороне и готов сделать все, что прикажете, – Мусорщик перешел на заговорщицкий шепот, но благодаря идеальной звукоизоляции салона было отчетливо слышно каждое его слово. – Есть у меня человек. Уникальный стрелок. Из импульсного ружья с пятисот метров белку снимет. Одно слово – и он полностью в вашем распоряжении.

– Спасибо, Руслан, – Дьяконов с трудом сдержал презри-

тельную ухмылку.

Не говорить же этому несмышлелышу, что у Железного Короля имеются куда более действенные средства. Арсению Викторовичу вспомнился один случай почти тридцатилетней давности. Тогда он был еще очень далек от нынешних вершин, но денег на жизнь хватало. Был жаркий день, Дьяконов хотел купить ананас, но не успел. Буквально нос к носу он столкнулся со старым институтским приятелем. Несмотря на духоту, тот был в костюмчике, при галстучке и с папочкой, то ли из, то ли под крокодиловую кожу. Разговорились. Оказалось, что приятель успел стать ученым секретарем солидного института.

– Триста «зеленых» чистыми в месяц, – с гордостью сказал он. – Для ученого в наше время – бешеные деньги. Ну, а где ты трудишься, Арсений?

– Да, в общем-то, можно сказать, нигде.

Приятель скользнул взглядом по скромной с виду безрукавке (откуда ему было знать, что этот фасон разработан всемирно известным модельером) и с жаром залопотал:

– Ну, ничего, я тебя в наш институт устрою. Оклады, правда, не ахти какие, но на хлеб хватает».

– Я бы с радостью» – ответил Арсений, – да все время в разъездах. То к Уральскому хребту приходится наведываться, то в Сибирь, а чаще по Франции, Германии и тому подобным странам мотаюсь. И потом, – добавил он, подходя к своему «Майбаху», – мне, чтобы заработать три сотни

«баксов», и часа вполне хватает.

Мусорщик очень походил на давнего приятеля Арсения Викторовича: так же активно предлагал свою помощь, даже не подозревая, насколько жалко она выглядит по сравнению с истинными возможностями Железного Короля.

Экран синтплея озарял комнату мягким, ласковым светом. Последнее слово индустрии развлечений, предел мечтаний миллионов подростков и даже людей солидного возраста. Заложенные в компьютер несколько тысяч сценариев и характеристики лучших актеров мира позволяли синтезировать на экране фильмы любых жанров: от исторических саг до боевиков и фантастики. Идеальная компьютерная графика делала их практически неотличимыми от игрового кино. Потребитель мог либо полностью создать фильм по своему замыслу, либо ввести исходные данные и тогда все дальнейшие события зависели исключительно от «прихоти» синтплея.

Вадим нервно отключил чудо техники от сети. Конечно, дивная игрушка, но сколько же можно. Почти три недели он проводит за синтплеем все свободное время. Да нет, уже ровно три недели прошло с того дня, как уехала Аннушка. А ведь это только начало – курсы рассчитаны на десять месяцев. Сам виноват. Ведь это он уговорил любимую взяться за изучение геологии. По приказу Лифшица в их Центре организуется лаборатория геохимии. С Аннушкиным дипло-

мом химика и его связями вполне реально устроиться туда. Надо лишь освоить смежную специальность. Одного не учел Вадим – как ему прожить без малого год. Хорошо его приятелям, которые уже привыкли свободное время проводить за рулеткой, картами да с женщинами того сорта, для которых вступающий с ними в интимную связь мужчина, является не мужем, не любовником, и даже, не хахалем, а просто клиентом. Некоторые, правда, сопровождали свои забавы употреблением обычной водки, которой в конце концов и отдавали предпочтение. Но таких безжалостно увольняли. Вообще за те семь лет, в течение которых Вадим служил у Хозяина Горы охранником, их ряды заметно поредели. Оно и понятно – давным-давно отгремели войны за право контроля над нелегальным вывозом сырья, найдены и беспощадно уничтожены уцелевшие во время «разборок» конкуренты. Уже долгие годы Хозяин Горы и его сообщники пожинали плоды победы. У них оставался один серьезный противник – государство. Это если подходить к вопросу чисто теоретически. На практике же трудно было придумать для российских чиновников кару более ужасную, чем ликвидация «семерки». Во-первых, это самым прискорбным образом сказалось бы на финансовом благополучии государственных мужей. К примеру, министр внутренних дел ежемесячно получал конверт с суммой, равной его годовому жалованью. И еще несколько тысяч аппаратчиков разной степени ответственности охотно брали подкормку из рук главарей

«семерки». Во-вторых, при разгуле псевдодемократии, лихорадившей страну вот уже несколько десятилетий, Нефтяной Барон и компания являлись диктаторским началом, без которого можно было ожидать самых ужасных бед. В самом деле, кто еще мог без суда и следствия шлепнуть заведомого насильника или убийцу, причем не только на своей территории, но и в любой другой точке России, если на это, разумеется, намекнет тот же министр. Да и воровать сырье, как это ни удивительно, больше не стали, просто само воровство оказалось строго централизованным, подотчетным, а потому более эффективным и, следовательно, очень прибыльным. Ликвидируй «семерку» – и на смену крупным хищникам придут тысячи шакалов, которые не столько урвут, сколько уничтожат, сгноят, потеряют и при этом нагромоздят горы трупов. Так что для властей существование «семерки» было приятно во всех отношениях.

Выключив синтплей, Вадим быстро собрался и вышел на улицу. Благодаря удобному местоположению, Дивногорск стал главной резиденцией Хозяина Горы. В город отовсюду свозились драгоценные камни, здесь они обрабатывались и отправлялись в Европу. Кроме того, сравнительно неподалеку геологи Лифшица обнаружили залежи великолепных сапфиров. Изысканного василькового цвета с нежно-бархатным оттенком, эти камни по красоте не уступали знаменитым бирманским и цейлонским сапфирам, а по размерам даже немного превосходили их. На окраине города выстрои-

ли цеха по обработке драгоценных камней и административный центр. Всю территорию обнесли высоченным забором с натянутой сверху проволокой под высоким напряжением, по углам возвели сторожевые вышки. Между городом и владениями Хозяина Горы пролегла идеально ровная дорога – она являлась как бы пограничной полосой, на которую местные даже не отваживались ступить, хотя прямо им этого никто не запрещал.

Вадим подошел к служебному входу, нажал кнопку звонка. Стальные ворота бесшумно разошлись и, пропустив Вадима, немедленно сомкнулись. Он очутился в стальном мешке – впереди еще одни, внутренние ворота, с боков высоченные металлические стены. Несколько секунд кто-то невидимый пристально изучал Вадима, после чего раздался сухой, беспристрастный голос:

– Наберите свой код.

Снять крышку кодового устройства и набрать требуемую комбинацию цифр было минутным делом. После этого внутренние ворота гостеприимно распахнулись, открывая Вадиму дорогу к комплексу сооружений, предназначенных для охранников. Справа виднелись административный центр и производственная зона, где сотни искусных ювелиров ежесекундно увеличивали и без того громадное состояние Хозяина Горы. Попасть туда можно было только по специальному пропуску, а выйти лишь через сито хитроумных устройств, «прощупывавших» чуть ли не каждую клеточку

человеческого тела.

– Какими ветрами? – несколько грузноватый мужчина лет сорока пяти, с чертами лица, определенно говорившими о его крестьянском происхождении, но на которые наложила свой отпечаток двадцатилетняя карьера наемного убийцы, посматривал на Вадима с удивлением и даже некоторой долей подозрения. – Тир, спортзал, стадион, бассейн?

– Слушай, Михалыч, что там в группе сопровождения, может кто смениться захочет?

– Где ж ты раньше был? У Ячменева жену в роддом отвезли, а о замене он не подумал. Лишь в последний момент попытался трепыхаться, да без толку. И ты маленько припоздал – «камневоз» минут десять как отчалил... Впрочем, на ключи от моей тачки, если повезет – догонишь. Только смотри, пусть счастливый папаша вернет машину на место.

Главным недостатком Дивногорска с точки зрения Хозяина Горы было то, что ближайшее пригодное для устройства взлетной полосы место находилось в семнадцати километрах от города. Ежемесячно на запад отправлялась новая партия самоцветов. Сборы проводились по уже ставшему привычным ритуалу. Сначала в контейнер из особого сплава помещали «сырые», необработанные алмазы. Поскольку при огранке стоимость камня увеличивалась в два – три раза, можно себе представить, какие потери нес Лифшиц, отдавая эту работу в чужие руки. Но таково было условие зарубежных партнеров. Их тоже можно было понять. После того,

как южноафриканцы стали обрабатывать камни сами, только Россия могла дать работу мастерам-ювелирам из Амстердама, Брюсселя, Вены, Тель-Авива.

Соответственно, чемоданчик с уже обработанными алмазами-бриллиантами и более крупными солитерами – был относительно небольших размеров, но все же увесистее, чем «кейс» с сапфирами. И, наконец, в большом по сравнению с «кейсами» контейнере находились изумруды, александриты, аквамарины, топазы, шпинель и другие самоцветы.

Контейнер и чемоданчики грузились в специально для этих целей сконструированный автомобиль, сплошь покрытый броней, который моментально окрестили «камневозом». Он доставлял груз к самолету, а тот перевозил товар в Берн, куда к назначенному времени собирались оптовые покупатели со всего мира.

В былые годы при перевозке камней на аэродром принимались все меры для обеспечения безопасности. За час до вывоза броневика специальная группа прочесывала дорогу и окрестности. С воздуха операцию прикрывало четыре вертолета. Но привычка к спокойной жизни сделала свое черное дело. На смену бдительности пришла беспечность.

Вадим догнал «камневоз» на пол пути к аэродрому. Видимо ребята никуда не торопились. Броневик величественно плыл по асфальту. В небе над ним стрекотал вертолет. Один – единственный. Вадим резко сбросил скорость, двигаясь в некотором отдалении от «камневоза». Останавливать

процессию с грузом не разрешалось никому. У решившегося на такой отчаянный поступок оставался небогатый выбор: получить либо очередь из крупнокалиберного пулемета, либо ракету.

Ослепительная вспышка и грохот взрыва заставили Вадима инстинктивно дать по тормозам и поднять вверх голову. На месте вертолета стремительно рос ядовито-оранжевый огненный шар. За доли секунды достигнув максимальных размеров, шар опал, и на землю посыпались обломки того, что совсем недавно было надежной боевой машиной. И тут же раздалось еще несколько мощных взрывов. Машину Вадима изрядно потрянуло. А «камневоз», могучий, бронированный гигант, подскочил вверх и, перевернувшись на бок, отлетел к обочине.

– Радиоуправляемые магнитные мины. Расставили по дороге в расчете на то, что хоть одна прилепится к днищу. Броню, конечно же, не пробил, но ребят, что внутри, покалечило сильно. Но кто, зачем? – пока Вадим прокручивал эту мысль, тренированный взгляд засек невысокую каменную гряду метрах в пятидесяти от перевернутого «камневоза». Резко крутанув руль, Вадим бросил машину на обочину. По днищу барабанной дробью застучали камни.

– Хорошо, что не мины, – подумал Вадим, автоматически выхватив пистолет и выкатившись из замершего у самых камней автомобиля.

Он ожидал, что по нему немедленно откроют ураганный

огонь, но явно преувеличил собственную значимость. Выглянув в зазор между грядой и бампером «тачки», Вадим увидел четверых здоровых мужиков, пристраивающих у дверей «камневоза» какой-то замысловатый агрегат. Рядышком о чем-то жаростно спорили еще трое налетчиков, время от времени тыча пальцами в сторону Вадима. Один из них, видимо начальник, предлагал двум другим пойти и шлепнуть свидетеля. А те, похоже, возражали, что свидетель может быть вооружен и уговаривали для страховки пальнуть по камням из ракетной установки.

– Ну и бардак! – хмыкнул Вадим, недоумевая, почему же так гладко прошла у нападавших первая часть операции.

Устроившись поудобнее, он тщательно прицелился в агрегат, громким гулом и узкой синеватой струей пламени возвестивший о начале своей работы. Даже с пятидесяти метров было видно, как на патентованную суперброню «камневоза» ложится черный прочерк, добираясь до хитроумных запоров.

– Должно же у этой штуки быть какое-то топливо. Ну, не может у нее не быть топлива, – твердил Вадим, раз за разом нажимая на курок.

Топливо было. Причем много, потому что рвануло – ни приведи Господи! Четверо мужиков, сгрудившихся у агрегата, вынуждены были отправиться в мир иной по частям – не самый лучший способ для любых путешествий. Еще троих взрывной волной швырнуло на землю. Правда,

двое из них вскоре поднялись, но были то ли контужены, то ли сильно ошарашены происшедшим, и Вадим несколькими выстрелами быстренько уложил их обратно. Он подавил в себе желание немедленно вскочить и броситься к броневнику, в котором, возможно, лежали еще живые и нуждавшиеся в помощи товарищи, и на всякий случай отполз от машины. Интуиция не подвела. По автомобилю густо полоснули автоматной очередью. Пули смачно шлепали по обшивке, цокали по камням, с визгом рикошетируя самым непредсказуемым образом. Шикарная «тачка» Михалыча на глазах превратилась в жалкие остатки былой роскоши, а обстрел не прекращался.

Вадим осторожно выглянул с противоположного конца края каменной гряды. Так и есть. Один ведет непрерывный огонь, не давая высунуться, в двое обходят с флангов, намереваясь взять в клещи.

– Черт! – в лицо брызнуло каменное крошево от ударившей совсем рядом пули.

Хитрецы. Оказывается есть еще и четвертый, который только и ждал, когда он высунется с этой стороны. Ну, хитрецы. Если бы они еще научились метко стрелять – цены бы им не было.

Вадим оглянулся назад, ища варианты отхода. Пейзаж не радовал – голая степь. Была, правда, рядышком какая-то лунка – сурку укрыться в самый раз. А человеку, тем более его комплекции, туда можно было только голову спрятать,

как страусу. Но Вадим к лунке все-таки отполз. Если эти ребята подойдут к обоим краям гряды одновременно, ему крышка. Двоих сразу он положить не успеет. Но если один из них опередит другого хоть на парочку метров, значит еще не все потеряно. Он же профессионал, а они любители... на пасть из-за угла.

Внезапно стрельба прекратилась. Вадим напрягся, ожидая какого-то подвоха, эдакой гнусной штучки со швырянием гранат или залпом из ракетной установки. Но вместо этого услышал сзади мерно нарастающий гул.

– Ну конечно, как же он забыл в пылу борьбы. Сразу же после взрыва вертолета в Центр пошел сигнал тревоги. Просто к нему не были готовы. Пока сообразили, что это не чья-то глупая шутка, пока собрали по всем закоулкам ребят из дежурной сотни, пока двинулись на помощь – ушло минут десять. Ну, все, теперь можно расслабиться.

Вадим медленно встал, обстоятельно стряхнул с одежды пыль и не спеша двинулся к поврежденному «камневозу». Его заметили. Командир сотни, поджарый мужчина средних лет и такого же роста бросился наперерез.

– Что случилось? – напористо и даже не пытаясь скрыть раздражения рявкнул он.

Вадим в ответ лишь пожал плечами. Мол, что случилось – и сами видите, а кто устроил засаду – черт его знает.

– Ну что ты жмешь плечами, урод! Натворили делов – вовек не расхлебаешь. Скажи спасибо, что груз уцелел,

не то бы я тебя прямо здесь закопал.

Вадим был человеком спокойным, но очень не любил, когда его оскорбляли, тем более незаслуженно.

– Это не я, это ты должен спасибо говорить. Я здесь оказался случайно, в группу сопровождения не входил, но без меня камешкам давным-давно приделали бы ноги, потому что ты, орелик, собирал ребят вдвое дольше положенного.

Казалось, в лицо командира плеснули темно-багровой краской. Он шевелил губами, пытаясь что-то сказать, но не мог, видимо одновременно подсчитывал, сколько таких, как он можно нанять на триста миллионов – примерную стоимость уцелевших камней. И еще одна мысль посетила командира: если этот парень действительно спас груз, с ним надо быть поласковой. Сегодня он герой, с его слов будут знать о происшедшем, и от него зависит оценка действий дежурной сотни.

– Ну, извини, погорячился, думал, ты с ними, – командир кивнул в сторону «камневоза», из которого уже выносили людей.

Вернее то, что от них осталось. Водитель и сидевший рядом с ним боец после того, как лопнуло пуленепробиваемое стекло, были буквально разрублены пополам автоматными очередями. Охранникам, находившимся в фургоне, повезло чуть больше. Нападавшие не сумели до них добраться. Однако взрывом «камневоз» швырнуло с такой силой, что один охранник расколол себе череп, двое других получили пере-

ломы и лишь последний, четвертый, отделался множеством ушибов.

Тем временем, на место событий явился Кравцов, начальник всех вооруженных формирований Хозяина Горы. Личность страшная и очень загадочная. О его прошлом никто толком не знал. Одни говорили, что Кравцов занимал ответственную должность в одном из секретных подразделений России, другие утверждали, будто он возглавлял подготовку террористических отрядов то ли в Сирии, то ли в ДНР, третьи заявляли, что в свое время он был одним из лучших в мире «солдат удачи». После первой беседы с Кравцовым Вадим был готов поверить в то, что верны все три версии. Взгляд Кравцова, казалось, обладал сверхпроникающей способностью, так что беседующий с ним человек сразу же припоминал выражение «видеть насквозь». Вадима не удивило бы, если бы, взглянув на него, Кравцов сообщил не только о том, есть ли у него камни в почках или сахар в моче, но и о том, собирается ли он в ближайшие выходные купить бутылку водки или готов ограничиться литром пивка. Знания Кравцова о различных видах оружия, тактике и прочих разделах военного искусства, конечно, имели границы, но никто еще к этим границам и близко не подбирался. Вадим ни разу не сталкивался с Кравцовым в тире или на стрельбище, но старые боевики часто повторяли, что у пули, выпущенной их шефом, есть глаза.

Кравцов внимательно выслушал сбивчивый рассказ Вадим

ма и после небольшой паузы сказал:

– Да ты просто герой... И Михалыч молодец, что «тачку» тебе дал. Надо будет ему другую купить, лучше прежней.

Герой. Нет, Вадим не чувствовал себя героем. В данный момент он вообще никак себя не чувствовал. То есть были, конечно, отдельные разрозненные ощущения, но они упорно не желали складываться в одно целое. В голове сплошной хаос, ничуть не меньше того, что господствовал во вселенной незадолго до Сотворения Мира. И, положа руку на сердце, надо признать, что подлинно героическими у Вадима сегодня можно считать всего две-три секунды, когда он, вместо того, чтобы тихонечко смыться, принял решение ввязаться в схватку с куда более сильным противником. Затем все шло на автопилоте. Его действиями руководил не разум, а инстинкт самосохранения и (вот парадокс!) рефлекс сторожевого пса, охраняющего добро хозяина, многократно усиленные упорными тренировками. А когда все закончилось, разум отказывался воспринимать реальность происшедшего. И не мудрено. Все годы службы Вадиму доводилось стрелять только по мишеням.. Жизнь текла спокойно, размеренно и даже немного тягуче, словно пищеварение у коровы. И мир вокруг был устойчив, как пирамида Хеопса. Сегодняшнее нападение в корне меняло сложившуюся ситуацию. Нет, это не было случайной вылазкой одуревших от близости несметных сокровищ дилетантов, а являлось прелюдией к грядущей какофонии грабежей, убийств, взрывов. Вадим

буквально физически ощущал, что вскоре у него будет возможность сколько угодно практиковаться в стрельбе по живым мишеням. И уже знал, что готов к такому повороту событий.

– Само приползло. Ну разве что пришлось чуть-чуть помочь, – Дьяконов торжествующе поглядывал на Третьего Нефтяного Барона, который смущенно топтался у входа в комнату. Что ж, поначалу все предатели чувствуют себя неловко.

– Да ты не робей, Аркадий Петрович, если нужна моя помощь – говори, не стесняйся, чем могу – помогу.

– Не то, чтобы помощь, а скорее дельный совет. Вы же знаете, от затеи Хомутова сильнее всех пострадал я, – Аркадий Петрович Бугров неожиданно даже для самого себя стал обращаться к Железному Королю на «вы», словно признавая этим его безоговорочное лидерство. – И так в этом году терплю одни убытки, а тут новая беда. И какая! Вы в курсе?

Дьяконов согласно кивнул головой. Еще бы ему не быть в курсе. Ведь это он через надежного человека передал уркам план завода с резервным хранилищем, в котором находилось несколько миллионов тонн нефти. Расчет был прост: Бугров наполовину отошел от своего лидера и, понеся в результате начатой Хомутовым войны невосполнимые потери, должен был, по логике событий, окончательно перейти в лагерь противников. Похоже, так оно и случилось.

– Еще одного такого удара я не перенесу. Как вы думаете, нельзя ли остановить это безобразие?

– Ты знаешь, Аркадий Петрович, мы с тобой одинаково мыслим. Правда, я к тому же еще и действую. Нашел возможность переговорить с паханами, передал их условия Хомутову. Но Егор Афанасьевич уперся рогом. Не согласен ни на какие компромиссы. Как говорится, за войну до победного конца, или мир без аннексий и контрибуций. А оно нам надо? Короче, есть у меня один планчик, но требуется твоя помощь.

Дьяконов умышленно сделал паузу. Третий Нефтяной Барон недоумевающе посмотрел на него.

– Понимаешь, нужно отдать уркам Юрия. Как только Хомутов узнает, в чьих лапах оказался его любимый сыночек, он мигом станет сговорчивее. А ведь ты в курсе, где сейчас околачивается Юрий, не так ли?

– А почему не Василия? – выдавил из себя фальцетом Третий Нефтяной Барон.

Василий был старшим, но явно неудавшимся сыном Хомутова. Он не унаследовал отцовской хватки, жестокости, решительности. Будто спеша исправит свою ошибку, природа щедро оделила этими качествами младшего – Юрия. Именно поэтому Дьяконов решил, что наследником Хомутова должен стать Василий. Но Бугрову об этом говорить пока рановато.

– Василий – паршивая овца. Не думаю, чтобы папаша да-

же пальцем шевельнул ради его спасения. Наоборот, будет рад, если его пристукнут ненароком и таким образом решат все вопросы по наследству. А вот ради Юрика он в лепешку расшибется. Можно будет не только конфликт уладить, но и кое-какие проблемы решить.

– Это в смысле вашего проекта? – робко поинтересовался Третий Нефтяной Барон.

– Это в смысле нашей общей власти над миром! – отчеканил Железный Король. – Мы предложим людям товар, от которого большинство из них будет не в силах отказаться. А кто обладает монополией на такой товар, то и правит миром. Я надеюсь не надо объяснять – почему? Нет? Ну и отлично. Так где же Юрий свет Егорович?

– Он сейчас на даче начальника КББ Северо-Западного округа. На самой даче его не достать, полно охраны. Но он довольно часто выезжает охотиться. Вот тогда и можно его схватить.

– Ну и отлично! – несмотря на многолетнее общение, Дьяконов сейчас не мог ответить на довольно простой вопрос: дурак Бугров или прикидывается? Неужели он не понимает, что с сыном Хомутова не будут церемониться. Пристрелят – и все дела. – Теперь, Аркадий Петрович, можешь быть спокоен, больше никаких посягательств на твое имущество не предвидится.

Он встал, протянул руку, давая понять, что разговор окончен. Бугров руку пожал, потянулся прочь, и вдруг обронил

на ходу:

– А все-таки жаль Егора. Впрочем, он сам виноват. Хоть иногда, но к чужому мнению прислушиваться надо.

– Нет, он не дурак, просто сволочь еще та. Хотя в нашем деле без этого далеко не уйдешь. – Дьяконов мягко тронул кнопку селектора. – Любушка, солнышко, гость явился?

– Ждет, Арсений Викторович, – голосок был чист и свеж, словно легкий ветерок с моря.

– Уже дождался. Будь добра, проводи его ко мне. – Дьяконов глубоко вздохнул и медленно выдохнул.

Встреча обещала быть непростой. Недавно его люди сумели выйти на Котла – одного из самых авторитетных российских паханов. Заметим, что Железный Король терпеть не мог, когда бывшую уголовную шушеру величали мафией, а ее вожаков – «крестными отцами». Слишком мало времени прошло (в историческом плане, разумеется), с тех пор, как они повылазили из лагерей, камер и подворотен и стали открыто грабить простой народ. Да и ухватки их, несмотря на то, что миновало уже столько лет, остались прежними. Хорош «крестный отец», который на званном обеде ковыряется в носу, да так энергично, словно хочет провести себе лоботомию неизвестным медицине способом, или другой, во время торжественного приема меланхолично почесывающийся ниже спины.

Так вот, люди Дьяконова добились от Котла согласия посетить резиденцию Железного Короля, чтобы обсудить воз-

никшие разногласия. Вернее, Арсений Викторович собирался убедить пахана, что никаких разногласий у них нет, а есть общий враг, с которым нужно покончить объединенными силами и как можно скорее.

– Здорово, хозяин, – Котел протянул Арсению Викторовичу свою кургузую лапу, расплылся в многообещающей улыбке.

Было, было в нем какое-то неуловимое сходство с одним из давно вымерших динозавров. Может быть, игуаноносом, а скорее всего тиранозавром: такая же, ощущаемая даже на расстоянии, неконтролируемая злоба, на удивление короткие передние конечности и безобразно маленькая для огромного туловища голова, наводящая на мысль о том, что у Котла, как это было принято у динозавров, где-то в области крестца расположен второй, главный мозг.

– Ну, здравствуй. Очень рад, что ты так быстро откликнулся на мою просьбу о встрече.

– А что еще оставалось делать, когда твои костоломы наставили свои пушки? Ума не приложу, как они сумели до меня добраться. Может откроешь секрет?

– Я? – Арсений Викторович удивленно посмотрел на Котла, всем своим видом давая понять, что такие мелочи его не касаются. – Надеюсь, они вели себя достаточно вежливо.

– Со мной-то да, но пока до меня добрались, четверых быков на тот свет отправили.

– Работа такая. Да я тебе ущерб возмещу, если сумеем

понять друг друга. Видишь ли, пока дело не зашло слишком далеко, надо уладить одно недоразумение. Постреляли, пожгли – и хватит.

– Нечего было волну гнать. К вам человек обратился с просьбой, а вы, вместо того, чтобы помочь ему, стали форс давить, издеваться. Мы таких всегда мочили, и будем мочить. – Котел возбужденно засипел.

– Сначала разобраться надо, а потом мочить. Ты в курсе, кто конкретно отказал Саиду?

– Вроде, Хомут. А какая разница? У вас же давно одна кодла.

– А вот тут ты не прав. Дело в том, что Хомутов отказал Хайдарову даже не спросив нас, по собственной инициативе. Скажу больше – в последнее время у нас с Хомутовым возникли серьезные разногласия. Настолько серьезные, что я готов помочь вашим людям убрать его сына.

– Ишь ты, и у вас разборки. Кто бы мог подумать... А почему сына, а не самого папашу?

– До папашки вам не добраться. Им мы займемся сами, когда придет время.

Котел надолго задумался. В предложении Железного Короля имелся какой-то подвох, искусно скрытая ловушка, и пахан усердно пытался обнаружить ее и, если удастся, загнать туда своего противника.

– Странно это, – наконец заявил он. – Почему бы вам самим не замочить сынишку?

– Не доверяешь? – Дьяконов едва заметно улыбнулся. – И правильно делаешь. Если бы ты прямо сейчас согласился с моим предложением, я бы решил, что ты задумал нас пробросить. А теперь слушай сюда. Когда вы войну с нами начали, вам, считай, ничего не обломилось. В мой банк полезли, а там химзащита сработала, шесть жлобов копыта отбросили. К Сидорову сунулись, а он десантную роту успел вызвать. То, что от ваших людей осталось, даже в фильме ужасов показать страшно. О Хомутове молчу – вы к нему и близко подобраться не сумели.

– А Бугор! – Котел, явно гордился этим наглядным свидетельством стратегических талантов корешей.

– Да, Бугров, конечно, особый случай. Ты вот что, поинтересуйся у своих приятелей, может они расскажут, как пришел к ним незнакомый человечек и принес бумажку. А в той бумажке и план завода, и посты охраны, и пути подхода, и даже время, когда удобнее всего начинать заварушку. А от себя могу добавить: тот, кто послал этого человечка, отлично понимал, что Хомутов вам не по зубам, зато Бугров – не только его компаньон, но и лучший приятель. И еще. Этот человечек попросил, чтобы о его существовании знали только самые надежные люди. Мало ли, вдруг снова пригодится.

Вновь зависло молчание. Дьяконов понимал: авторитету нужно время, чтобы как следует усвоить информацию.

– Я пошепчусь с кем надо, – подвел итог услышанному Котел. – Но все равно не понимаю, почему бы вам самим

не замочить обоих?

– Во-первых, хватит с нас того, что мы берем на себя старшего. Во-вторых, вы начали эту войну, вам и карты в руки. И, в-третьих, ликвидировать надо Юрия. Ни в коем случае не трогайте Василия.

– А какая разница?

– Василий – хороший человек, мягкий, отзывчивый, не злопамятный. Когда станет у руля, будет прислушиваться к нашим пожеланиям. А Юрий – весь в своего родителя, такой же осел упрямый. Чего с ним церемониться!

– Сделаем, без вопросов. Был Юрик – станет жмурик, – Котел загоготал, как гусь, радуясь собственной шутке.

– Ну, кретин! – оценил его остроумие Арсений Викторович. Мысленно, разумеется. А вслух сказал. – Надеюсь, после сегодняшнего разговора мы с друзьями можем не опасаться новых нападений?

– Я своих ребят попридержу, а остальные вряд ли. Вот если пришьете Хомута – тогда другое дело, можно будет мириться. Правда, люди недовольны, говорят, зазнались вы, нет от вас никакой поддержки.

– Это все Хомутов. Он не только вас – нас в последнее время стал пробрасывать. Совсем к старости мозгами тронулся, ведет себя, как удельный князь. Ну, ничего, мы ему с вашей помощью рога-то пообломаем, – говорил Дьяконов, одновременно думая, что есть несколько способов убедить Хомутова, что его сына убили уголовники, но самый луч-

ший – когда Юрия прикончат сами уголовники. Возможно, жажда мести заставит Егора Афанасьевича на время забыть о собственной безопасности.

Личный адвокат Шлицев был предельно краток:

– Я подтверждаю, что этот человек является законным наследником Удо Шлица. А его поразительная осведомленность о личной жизни вашей семьи подтверждает, что он был близким другом покойного, хотя вы пытаетесь это отрицать.

Выступление представителя арбитражной коллегии оказалось еще короче. Он просто утвердительно кивнул головой.

– Ничего не понимаю, – сын Удо ошарашенно окидывал взглядом собравшихся. – Нет, я не спорю, мы почти два часа засыпали его вопросами, иногда даже переходя грань приличия, и получили безукоризненные, исчерпывающие ответы. Но готов поклясться чем угодно, что я ни разу в жизни не видел этого человека.

– Да что тут думать. Они похитили отца, выпытали у него все до мельчайших подробностей о нашей жизни, после чего заставили написать это завещание, – высказала предположение дочь покойного.

– Осмелюсь напомнить, что завещание было написано господином Шлицем в этом доме, где, насколько я понимаю, он был надежно защищен от всякого насилия, – замурлыкал адвокат, словно кот, обожравшийся сметаной.

Несмотря на знаменитую фразу одного римского императора, он явственно чуял запах денег. Огромных денег, которые осядут на его банковском счете во время грядущей битвы за наследство умершего миллиардера.

– Мама, ну почему ты все время молчишь? Разве в том, что отец достиг такого благополучия, совсем нет твоей заслуги? Я не понимаю, как можно безропотно уступать какому-то проходимцу.

И тут, ни на кого не глядя, фрау Шлиц тихо, но очень твердо сказала:

– Пожалуйста, оставьте нас с молодым человеком.

Просьба была настолько неожиданной, что никто даже не шевельнулся. Тогда женщина встала, подошла к двери, распахнула ее настежь и еще раз, уже громче повторила: «Прошу вас».

После того, как все вышли, она закрыла дверь, подошла к столу, и, посмотрев в чужое лицо, спросила:

– Удо, а как же я?

Незнакомец вздрогнул, словно от внезапного удара. Прошла минута, прежде чем раздался его дрожащий голос.

– Как ты догадалась, Илона?

– Не знаю. Видимо, мы слишком много лет провели вместе, чтобы ты мог спрятаться от меня. Даже в чужом теле. Но ты не ответил на мой вопрос: как ты собираешься поступить со старухой-женой?

Удо неловко заерзал на стуле. Сейчас он испытывал

к Илоне смешанное чувство нежности и отвращения. Воспоминания рисовали идиллические картины давно минувших лет, но взгляд постоянно натыкался на морщинистую кожу, пожухлые глаза, изуродованные временем черты лица. Когда Шлиц находился в старом теле, все это казалось совершенно нормальным, но сейчас свежие гормоны и тонус двадцатилетнего тела возобладал над восьмидесятилетним сознанием, заставляя предъявлять куда более серьезные требования к представительницам прекрасного пола. Такая Илона его совсем не устраивала.

– Тебе подберут новое тело. Ты станешь прекрасней, чем в молодости, – наконец выговорил Шлиц.

– И по чьему же вкусу будут подбирать это тело. Моему, твоему или кого-то еще?

– Илона, милая Илона, ты сейчас не в том состоянии, чтобы обсуждать эти вопросы. Тебе надо прийти в себя, хорошенько все обдумать, и тогда мы продолжим разговор и вместе примем решение.

– А дети? Ты забыл о своих детях. Рано или поздно им придется сказать правду, и вряд ли она им понравится.

– Ты хочешь сказать, что мертвый отец для них лучше, чем живой?

– Я хочу сказать, что у тебя есть внуки, у которых когда-нибудь появятся свои внуки, и каждый из них будет зависеть от тебя, твоих денег и ни разу за всю жизнь не ощутит той свободы, которая и делает человека человеком.

– Зато я знаю, как вести дела, поэтому моим предприятиям не будет грозить разорение, а детям и внукам – нищета. Если же кто-нибудь из них решит начать свой бизнес – возражать не стану, наоборот, помогу и советом, и деньгами. К тому же, надеюсь, мои наследники поостерегутся бездумно размножаться, потому что даже при моих капиталах бесмертия на всех может и не хватить. Считаю, каждая пара должна будет ограничиться одним ребенком.

Илона хотела возразить, но передумала. Уж она-то знала: если ее муж что-то решил – спорить бесполезно.

А Удо, покончив с делами семейными, тоном, не терпящим возражений, приказал:

– Позвонишь Кречмеру. Под любым предлогом уговори его в ближайшие дни приехать сюда.

– Все, Матвеич, мы отчаливаем, – Юрий Хомутов обратился к своему собеседнику с легким оттенком пренебрежения, хотя тот был заметно старше и носил погоны с двумя генеральскими звездами...

– У меня дела серьезные назревают, – сообщил ему неделю назад отец. – Чтоб под ногами не путался, съездишь к одному моему другу.

Да какой к черту друг, если господин генерал, разговаривая с отцом по телефону, вытягивается в струнку, будто на том конце провода, как минимум, начальник Генштаба. Так, холуй, правда, обладающий немалой властью. Наверня-

ка, благодаря его, Юрия, родителю.

Хомутов-младший нырнул в армейский джип, где уже находились оба его телохранителя, шофер и офицер по особым поручениям.

– Поехали, – хлопнул он по водительскому плечу. – Не то косолапый, чего доброго, смоемся в Финляндию.

Несмотря на показную браваду, настроение у Юрия вот уже неделю оставляло желать много лучшего. Никогда в течение последних семи-восьми лет, отец не отстранял его от дел. Вот Василия – да, того на пушечный выстрел не подпускал к участию в управлении отцовской империей. Как иногда в сердцах бросал сам Егор Афанасьевич, у его старшего сына с детства хорошо получалось только одно дело – ковыряться в носу. Все же остальные начинания Василия неизменно заканчивались крахом. В свои пятьдесят с хвостиком старший сын номинально являлся владельцем одного из множества отцовских заводов, но в действительности им руководил поставленный лично Первым Нефтяным Бароном управляющий. Так что у Василия хватало времени на общение с молодой красавицей-женой и очень любившееся ему в последнее время разведение аквариумных рыбок.

И в течение одного часа – да какого часа, пятнадцати минут – все кардинально изменилось. Отец срочно затребовал к себе старшего сына, а младшему велел немедленно сматываться к черту на кулички. В опалу, как решил поначалу Юрий. Несколько дней он силился понять, чем же на-

влек на себя немилость отца, и лишь все больше терялся в догадках. Да, возглавляемые им компании принесли заметно меньше прибыли, даже по сравнению с прошлым годом, но такова общая тенденция, и отец об этом прекрасно знал. У других, непосредственно подчиненных родителю, управляющих дела шли так же, хотя ими до сих пор гордился один из лучших университетов мира, и за каждым из них давно закрепилось прозвище «гений менеджмента». Юрию, честно говоря, было далековато до их знаний и способностей, но они распоряжались чужим добром, а он своим. Отсюда и результат. И в личной жизни, к чему отец относился весьма строго, имея привычку без спросу совать нос в самый неподходящий момент, все было чин-чинарем. Так чем же старый хрыч недоволен?

Но уже через несколько дней, сопоставив некоторые, вырвавшиеся сгоряча фразы окружающих с происшедшими до его отъезда событиями, Юрий все понял. Оказывается, стычки с уголовниками не были случайными, как уверял отец, а являлись эпизодами разгоравшейся войны. Опасаясь, что азарт младшего сына перевесит доводы разума, и он ввяжется в опасную авантюру, Хомутов-старший предусмотрительно отослал его подальше от заварившейся кровавой каши, а заодно, укладывая одним выстрелом двух зайцев, обезопасил и Василия, вместе с которым Юрий не мог ужиться и дня, поселив его вместо младшенького в своем надежно защищенном дворце.

Война с уголовниками. Зная всю подноготную отцовской империи, Юрий отлично понимал, насколько она не ко времени. Человеческие жертвы – ладно. На то и война, как говорится, сам Бог велел, тем более что близких Юрия среди пострадавших наверняка не окажется. Слишком могучие силы их охраняют, чтобы всякая обколотая шушера могла хотя бы мечтать об убийстве любого из клана Хомутовых. Но деньги, деньги. Закончившийся год принес в пять раз меньше дохода по сравнению с самым прибыльным за время существования империи. Этот начался чуть лучше, но ни о каком существенном подъеме говорить не приходилось. Это как если бы больной на немного пришел в сознание, но только для того, чтобы прохрипеть из последних сил:

– Если б вы знали, мужики, до чего мне хреново!

Конечно, властолюбивый Юрий, начавший всерьез опасаться, что повредившийся на старости лет умом отец передаст наследство в дырявые руки бестолкового Василия, несколько успокоился. Война – явление временное, а вот лишение наследства престарелым отцом – это навсегда. Но и особого облегчения Юрий не испытывал. Кто знает, может все окажется гораздо серьезнее, чем он думает, и ему достанутся лишь развалины отцовской империи?

Зарывшись передними колесами в курчавый мох, джип протестующе фыркнул и замер. Двое мужиков, нервно куривших на полянке, тотчас очутились рядом с машиной. Чувствовалось, что они уже устали ждать

– Как успехи, братья-славяне? – поинтересовался Юрий, закидывая за спину снайперский карабин.

– Так это, наши собачки уже больше часа топтыгина по лесу гоняют. Поторопиться надо, а то как бы он в конец не осерчал. Пеструху уже насмерть порвал. Здоровенный, черт, – сказал один из поджидавших, среднего роста мужчина, чем-то неуловимо похожий на сказочного лешего из детского мультфильма.

Второй, высокий и широкоплечий, молчал, застыв по стойке «смирно». Еще один подарочек товарища генерала.

– А не уйдет косолапый? – загораясь охотничьим азартом, встревожено спросил Юрий.

– Сомнительно, конечно. Собачки свое дело знают, не упустят. Да и Антон вместе с ними, – отвечал «леший». – Только идемте скорее, не то он всех псов перекалечит. Шустрый, черт – спасу нет.

Казалось, медведь заранее поведал «лешему», каким путем он собирается уходить от преследователей. Не прошло и пятнадцати минут, как они стали отчетливо различать доносившийся издали звонкий лай. Еще немного, и можно будет внимательно рассмотреть хозяина леса сквозь оптический прицел снайперского карабина. Но тут в их стремительном продвижении вперед произошел сбой. В едва заметной ложбинке, у высоченной сосны лежала собака. Острая морда, хвост колечком – настоящая охотничья лайка, способная

выследить и задержать любого зверя, от белки до матерого лося. Юрий не заметил ни рваных ран на теле, ни лужи крови рядом. На мгновение у него, даже, мелькнула нелепая мысль, что собака устала и решила маленько вздремнуть в укромном месте. Но уж в слишком неестественной позе замерло тело лайки.

– Иртыш, Иртыш! – «леший» рухнул на колени и принялся водить шершавой ладонью по густой собачьей шерсти. – Эх, какой был пес, – глухо сказал он, не оборачиваясь, чтобы никто не увидел скатившихся по лицу слез.

– А, может, он еще жив? – брякнул по невежеству Юрий. – Ведь ни крови, ни ран.

– Хребет он ему проломил, – с трудом выдавил «леший», медленно поднимаясь. – Знаешь, какая в медвежьей лапе сила! Быка с ног валит, а тут собака. Что она ему – тьфу, ерунда. Махнул и не заметил.

– Возьми, – приказал Юрий одному из охранников, указав взглядом на тело мертвого пса.

Тот повиновался, хотя и буркнул в полголоса, что тем самым лишается возможности полноценно исполнять свои обязанности. «Леший» взглянул на Хомутова, но не с благодарностью, а скорее констатируя факт: мол, понимает человек, что собака погибла по его вине и хоть как-то пытается расплатиться.

С расстояния в пятьдесят метров медведь не казался особо большим и грозным. Тем более, что находился в поло-

жении, унижительном для хозяина леса. Приткнувшись задом к огромному корневищу вывернутого ураганом дерева, он из последних сил отражал атаки своры злых и увертливых псов. Чувствовалось, что зверь и собаки уже порядком утомлены затянувшимся преследованием. Но лайки почуяли, что к ним прибыло подкрепление, и это придало собакам храбрости. А храбрость на фоне усталости – штука опасная, она ведет к переоценке своих сил не только у людей. Одна из лаек попыталась цапнуть топтыгина за самое больное место – нос, но промахнулась на считанные миллиметры. В ответ стремительно мелькнула мохнатая когтистая лапа, и отчаянный пес, истошно взвизгнув, отлетел прочь с разорванным боком. Это и привело в чувство Юрия, забывшего, что ему надо стрелять, а не любоваться захватывающим поединком хозяина леса с лучшими друзьями человека.

– Мужики, небось, матерят меня сейчас и в хвост, и в гриву, – подумал он, старательно выцеливая левую лопатку медведя.

Пустые хлопоты. Желанная цель появилась лишь на доли секунды, и ее тут же заслонили головы обступивших косолапого собак. Безрезультатно помучившись какое-то время, Юрий решил бить в голову. Легко сказать. Он знал, что мощная лобная кость защищает мозг топтыгина почище бронежилета. Конечно, будь у него оружие калибром побольше, не было бы проблем. Но в таком случае вообще не имело смысла охотиться. За него дичь выслеживали, загоняли под

пули. Не хватало еще, чтобы какой-нибудь «слонобой» лишил его радости ювелирно точного выстрела. Юрий дождался момента, когда медведь развернул голову и поймал в прицел точку чуть ниже уха.

Перебивая лай собак и рычание топтыгина, отрывисто хлестанула автоматная очередь. Пули шли кучно, все в то место, где находился Юрий. Но мгновением раньше один из телохранителей, уловив тренированным взглядом подозрительное движение, метнулся к хозяину и отшвырнул его в сторону. На то, чтобы уйти самому из смертельно опасного места ему уже не хватило времени. Пули вошли точно в цель. Правда, она была другой. Вместо Хомутова слепой свинец оборвал жизнь телохранителя.

Отброшенный в сторону, Юрий еще не успел опомниться, а сильные руки уже ткнули его носом в землю, и прямо над ухом раздался звенящий шепот уцелевшего охранника:

– Лежать!

Нападавших было много, не меньше десятка. Но они сами себя поставили в невыгодное положение. Логично рассудив, что одному человеку будет легче подкрасться незамеченным и ликвидировать Хомутова, они тем самым лишили себя возможности начисто выкосить не ожидавших нападения охотников дружным огнем. Пока неизвестные, перебегая от дерева к дереву, брали охотников в клещи, телохранитель выхватил переговорное устройство, вызвал подкрепление и начал азартно палить в неприятеля из корот-

коствольного автомата. Оба офицера и Антон активно поддержали его. К сожалению «леший» не сумел отреагировать на опасность так же четко, как кадровые офицеры и его младший товарищ, и был сражен очередью из автомата. Но и один из нападавших распрощался с жизнью после точного выстрела охранника.

Юрий Хомутов все лежал, уткнувшись лицом во влажный, отдающий грибным запахом мох. Замечательный карабин с лазерным целеуказателем, из которого подстрелить человека гораздо легче, чем медведя, без толку валялся рядом с ним. В ужасе Юрий забыл о нем. Каждая клеточка его молодого, полного сил тела была парализована страхом. В голове, будто там включили старую заезженную пластинку, крутилось одно:

– Неужели конец, Господи, неужели конец?

Это он точно подметил. Десятку автоматов нападавших они могли противопоставить всего три да старенькое ружьишко Антона. А свора сильных, вертких лаек была обучена только охоте на дикого зверя. Медведь, насмерть перепуганный выстрелами, прорвал живое кольцо и с невероятной для такого грузного животного скоростью устремился прочь от опасного места. Часть собак, наиболее азартных и с ярко выраженным охотничьим инстинктом, устремилась за ним. Остальные растерянно сновали поблизости, не зная, куда податься. В конце концов они собрались у тел своих хозяев и принялись жалобно скулить. Да, Антона подстрелили

в тот момент, когда он перезаряжал оружие. Еще раньше погиб офицер по особым поручениям. Но и нападавшие к этому времени успели потерять трех человек. Нефтяной Барон умел подбирать телохранителей.

Эх, если бы Юрий пересилил себя и взялся за оружие. Учитывая скорое появление отряда быстрого реагирования, их шансы на спасение заметно увеличивались. Но мгновенное превращение из уверенного в своих силах и безопасности охотника в жалкую, беспомощную дичь как-то разом и напрочь отбили у него даже мысли о сопротивлении. Инстинкт самосохранения, заставляющий храбреца и в безвыходном положении отчаянно драться за собственную жизнь, вызвал у Юрия диаметрально противоположную реакцию. Он уподобился жуку-навознику, который при появлении хищника мгновенно цепенеет, притворяясь мертвым. Юрий лежал, когда расстрелявший все боеприпасы телохранитель попытался добраться до оружия своего напарника, от которого его, увы, отделяло семь метров открытого пространства, он лежал, когда зашедший с тыла автоматчик выстрелил в спину последнему из его защитников. Он лежал, когда в наступившей тишине совсем рядом с ним громко хрустнула ветка. Сильные руки оторвали Юрия от земли, и чей-то скрипучий голос с удовлетворением засвидетельствовал:

– Он самый, сучонок.

И только сейчас, когда это было совершенно бессмысленно, Юрий ожил. Неимоверным усилием он вырвался из ухва-

тивших его рук и бросился бежать. Автоматная очередь резанула по ногам, превращая в фарш мясо, разрывая артерии и дробя кость. Юрий упал и закричал от обрушившейся на него чудовищной боли. Кто-то неторопливо подошел, прицелился в голову и, вместо контрольного выстрела, прогрохотала контрольная очередь. Словно убийца хотел сказать: для такой выдающейся жертвы все должно быть сделано по высшему разряду.

Если кто-то полагает, что чувства, охватывающие человека, открывшего закон всемирного тяготения или Америку, принципиально отличаются от эмоций, которые испытывает преступник при виде убитого конкурента, то он глубоко ошибается. Счастье – оно и у киллера счастье. Только первооткрывателя одновременно грызут сомнения – а не ошибается ли он, в то время как счастье преступника лишено подобных изъянов. Он ведь точно знает, что мертвые не имеют дурной привычки оживать и вновь пакостить своим врагам.

Поэтому Железный Король напоминал безмерно счастливого деда, узнавшего, что у его невестки родился сын, а не злобного старикашку, радующегося трагической гибели молодого человека. На лице Арсения Викторовича сияла такая улыбка, что хотелось ему посоветовать немедленно съесть лимон и запить его уксусом. Прошло минут пять после известия об убийстве Юрия Хомутова, и, лишь тогда к Дьяконову вернулась способность логически мыслить. Он

сел за стол, из-за которого совсем недавно выскочил с удивительной для его возраста прытью и торжествующим возгласом «Вот оно!», и принялся чертить на листе бумаги кружочки, черточки, загогулилки. Так ему легче думалось. Только для этого и лежали на столе ручка с бумагой.

Убийство Юрия прошло гладко. Котел вообще надеялся, что взятые со стороны ребята быстренько подскочат, шлепнут Юрия и мгновенно испарятся. Для того и операцию тщательно планировали, и человека из obsługi генеральской дачи, сообщившего об охоте, купили. Но одно дело – планы Котла, а другое – точный расчет Железного Короля. Люди, осмелившиеся поднять руку на наследного принца нефтяной империи, должны быть жестоко наказаны. А конкретно – ликвидированы во время бегства с места преступления. Пусть уважаемый Егор Афанасьевич лично убедится, кто именно стрелял в его сына. Типичные уголовные морды – как внешне, так и по жизни. Люди Хомутова, естественно, установят их личности, изучат биографии и выяснят, что некоторые из убийц когда-то сотрудничали с Насреддином и ни один – с Котлом. Хотелось надеяться, что Нефтяной Барон заглочит эту наживку: он оскорбил авторитета и тот, будучи не в состоянии добраться до отца, отыгрался на сыне. Но был в этих рассуждениях какой-то изъян. Дьяконов инстинктивно ощущал его, но не мог обнаружить. Радостное возбуждение, до сих пор не отпустившее Железного Короля, мешало серьезной умственной работе, и, как это часто

бывает, в голову настойчиво полезли совсем другие мысли. Помимо воли Арсений Викторович погрузился в воспоминания.

С Хомутовым его познакомил Хозяин Горы. Лифшиц вообще умудрялся знать каждого, кто в своей жизни продал хотя бы ящик собачьих консервов. К тому времени все будущие члены «семерки» пришли к выводу о необходимости монополизации сырьевого экспорта. Это было бы выгоднее всем. И экспортерам, поскольку всегда находился субъект, ухвативший кусок не по зубам и норовивший избавиться от него по бросовой цене. И народу – ведь десяток крупных хищников прокормить легче, чем тысячу мелких. И государству, затерроризированному непрекращающимися бандитскими войнами. И только такие же экспортеры были не в восторге от новой идеи. Но их никто не спрашивал.

Представители самого мощного топливного бизнеса первыми взялись наводить порядок в своем хозяйстве. Одному человеку прибрать к рукам такую махину было не по силам и вскоре самым естественным образом родился альянс двух наиболее мощных хищников, промышленяющих топливом – Крапивина и Хомутова, к которым примкнул лучший друг последнего – Бугров. Но и втроем им вряд ли удалось бы избавиться от всех конкурентов. Скорее те, объединившись, уничтожили зарвавшуюся троицу. Смутные очертания подобного союза начали медленно вырисовываться после успешной ликвидации четвертого или пятого торговца

нефтью. Десятки мелких нефтебарыг дружно засуетились, пытаясь выяснить, кто же так методично пропальывает их ряды. Пока действия были хаотичны и больше всего напоминали известное броуновское движение, но, в отличие от молекул, люди умеют размышлять, сопоставлять факты, и в конце концов затея Хомутова и К^о была бы обречена. Да, в обычных условиях вся эта шушера свято чтит принцип «человек человеку – волк», но в ситуации, когда жизнь каждого из них висела на волоске, они, несомненно, объединят свои силы – иначе не выжить. Хомутов прикинул – против одного их бойца противник выставит десять, против одного милицейского начальника – пятерых своих, против одного высокопоставленного чиновника – трех. С таким соотношением и Наполеон не рискнул бы ввязываться в битву. Но они-то уже ввязались.

Идея о превращении нефтяной монополизации во всеобщую и привлечении к этому делу «смежников» пришла Бугрову. Он же вышел на Лифшица, который с быстротой новейшего компьютера подсчитал все плюсы и минусы, и затем подытожил:

– Я никогда не завидовал богатству Брунейского султана. Интересно, станет ли он завидовать моему?

Лифшиц же договорился с Дьяконовым, Сидоровым и Ахтубом. Вскоре состоялась первая историческая встреча «семерки». На ней будущие хозяева страны решили, что сначала они объединенными усилиями превратят многочисленные

нефтяные удельные княжества в могучую топливную империю, а затем дружно монополизировали нелегальный экспорт металлов, леса, пушнины, драгоценных камней.

Договорились – и залегли на дно. А через неделю доблестные милиционеры арестовали шайку, убивавшую представителей нефтяного бизнеса. По словам бандитов, они хотели посеять панику среди нелегальных экспортеров нефти, чтобы потом брать с них деньги, якобы за «крышу». Каким образом «семерка» подставила абсолютно непричастных к убийствам людей, и как в милиции добились нужных показаний – об этом история стыдливо умалчивает. Да и стоит ли говорить о средствах, если цель достигнута. Броуновское движение прекратилось, конкуренты будущей «семерки» облегченно вздохнули.

Человечество хранит память о многих замечательных днях – Рождения Христа, Взятия Бастилии, Победы, а вот ночь в ряду исторических дат всего одна – Варфоломеевская. Видимо, она наиболее ярко иллюстрирует главный принцип уничтожения сильного противника – усыпить бдительность и всеми силами нанести внезапный, сокрушительный удар.

Свою Варфоломеевскую ночь «семерка» ужала до нескольких часов. Это добивали уцелевших долго, конкуренты прятались, ударялись в бега, даже шли в органы, чтобы покаяться в своих грехах и заодно обличить нечистоплотные делишки Хомутова, Бугрова и Крапивина, как будто без них об этом не знали. Короче, обреченные людишки

всеми силами цеплялись за жизнь, не хотели понять, бестолковые, что у «семерки» есть дела поважнее, чем гоняться за ними по всей стране. Оттого и умирали жуткой, мучительной смертью. Уцелели немногие – в основном те, что успели перебраться в очень дальнее зарубежье. Их оставили в покое, предварительно обрубив все русские связи. Пусть себе тихо-мирно живут на проценты с того капитала, что успели вывезти из страны.

К работавшим на противника милиционерам «семерка» отнеслась бережно и с пониманием. Продажный мусор – это бесценный капитал, его надо беречь, хранить и преумножать. Большинство издоимцев в погонах было перевербовано с помощью изъятого у врага компромата и клятвенных заверений – отстегивать не меньше прежнего. По той же схеме наставляли на путь истинный и самых ценных из работавших на противника чиновников.

Завоевав право единолично отливать сколько надо из Большой Нефтяной Трубы, «семерка» принялась столь же рьяно наводить свои порядки в вывозе остального сырья. Теперь они опирались на мощь новоявленных нефте-газовых магнатов и могли позволить себе действовать без былой жестокости и спешки, не убивать всех без разбору, а находить индивидуальный подход к каждому человеку. Зачем громоздить горы трупов, если одного можно элегантно подставой упечь в тюрьму, второму перекрыть источник сырья, а с третьим – договориться по-хорошему? Да и ликвидации стали

проводить куда грамотнее, мастерски имитируя самоубийства либо несчастные случаи. Или же убитый бесследно исчезал. Велика Россия и миллионы человеческих останков захоронены в ее земле – попробуй найди да разберись где чьи. Было, правда, дело – сунули шило в сердце одного патологически упрямого бизнесмена, а машина, которая должна была отвезти тело в болотистую местность, сломалась. Так ребята его прямо на месте и зарыли, а чтобы никто не заинтересовался свежими раскопками, установили табличку «Не копать – убьет! Электрический кабель – 1 м». Умницы, все точно рассчитали. Кроме одного. Начальству, конечно, было наплевать – что за кабель, откуда он здесь взялся, и сколько человек способен уложить одним ударом. Но нашелся умник, который воспринял табличку, как руководство к действию. Мол, кабель – это цветной металл, а цветной металл – это деньги, а электричества бояться – в скупку цветных металлов не ходить. Следующей ночью взялся копать и отрыл покойника. Возможно, после такой находки воришке всю жизнь пришлось лечиться электричеством. Бросив лопату, он в ужасе бежал подальше от жуткого места.

Утром люди заметили торчащую из ямы человеческую ногу, и город моментально облетел слух об охотнике за цветными металлами, погибшем от удара током. Следствие, конечно, восстановило истину, но к тому времени исполнители убийства могли опасаться только одного суда – Божьего.

Именно тогда некий пронырливый журналист узнал об их

существовании и дал всем семерым прозвища. Однако задуманная им разоблачительная статья так и не увидела свет. Чиновник из породы «серых кардиналов» заметил журналисту:

– Вот вы говорите, что на их долю приходится треть всего вывозимого сырья. Так совсем недавно нелегально экспортировали половину. И при этом стрельба, взрывы, шум на всю страну. Давайте предположим невероятное: милиция арестовала всех семерых. Знаете, чем это закончится? На освободившиеся места хлынут сотни новых банд и парализуют весь экспорт, и легальный, и нелегальный. А что касается вас персонально, то даю голову на отсечение: вашу статью никто не напечатает, а вы исчезнете, тихо и навсегда. Так что советую от всего сердца – уймитесь. А если нет, первым делом напишите себе хорошую эпитафию.

Влияние «семерки» на жизнь страны с каждым годом становилось все заметнее, во многом благодаря умело осуществляемой политике кнута и пряника. Хотя они распустили большую часть своих боевиков, самые классные исполнители оставались при деле, так что политический деятель даже заоблачно высокого уровня, был обречен, если осмеливался стать им поперек дороги, что и было дважды подтверждено на практике. С другой стороны, почти треть своих фантастических доходов «семерка» тратила на материальное поощрение политиков и чиновников должного масштаба, которые по мере возможности способствовали ее де-

тельности.

За все последующие годы «семерке», лишь, однажды пришлось маленько повоевать. И с кем – со своими же! Был один человек – назовем его Воеводой – наладивший нелегальную продажу современного отечественного оружия нуждающимся в нем правительствам. Разумеется, и кроме него хватало гуманистов, желающих избавить страну от смертоносных игрушек. Разве можно доверить новейшее вооружение армии, в которой старослужащие калечат новобранцев, новобранцы расстреливают старослужащих, а офицеры сообщают членам запрещенных в стране террористических организаций маршрут следования чем-то обидевшего их начальства? Нет, всему миру будет спокойнее, если эту армию вооружить каменными топорами и дубинами.

Воевода был самой значительной фигурой среди торговцев смертью, именно поэтому «семерка» решила поддержать его. Сказано – сделано. Очень скоро конкуренты Воеводы канули в вечность, а «семерка» превратилась в «восьмерку». Хотя Воевода держался несколько особняком. Все же одно дело – сырье, и совсем другое – смертоносное дитя новейших технологий. Разные производители, разные потребители. Только деньги одни – и количественно, и качественно.

А лет через семь они обратили внимание, что Воевода стал с поразительной дотошностью вникать в их дела, особое внимание уделяя цветным металлам. Людей неосведомленных такая любознательность повергла бы в глубочайшее

недоумение: зачем человеку, у которого все есть, тратить время на чужие проблемы вместо того, чтобы наслаждаться радостями жизни? А ларчик просто открывался. В последние годы благодаря созданию новых материалов и компьютеров, военное дело в развитых странах вышло на качественно другой уровень. И Россия, добитая нехваткой денег и отъездом лучших умов, отстала от конкурентов как-то сразу и навсегда. Даже банановые республики, если год выдавался урожайным, покупали оружие только на Западе. Еще немного – и Воеводе пришлось бы продавать свой товар по цене металлолома. И он решил найти себе более перспективное занятие.

Ахтуб, являясь лицом кавказской национальности, был в составе «семерки» абсолютно инородным телом, ну как дерьмо в проруби. Так считал Воевода. Он не учел того, насколько крепко успели переплестись за минувшие годы дела и интересы этих семерых. Он надеялся, что остальные неторопливо перекурят в стороне, пока он будет испытывать на Ахтубе и его бойцах лучшие образцы своего товара. Вместо этого «семерка» дружно навалилась на недавнего компаньона, и он даже не успел толком воспользоваться своим арсеналом. Не воспользовался благодаря Хомутову, который заранее просчитал некоторые ходы Воеводы.

И тут Арсений Викторович понял, что он упустил из виду. Тот самый человечек из генеральской obsługi, который сообщал им о планах Юрия. Хомутов никогда не поверит,

что нападению предшествовало лишь наружное наблюдение за дачей. Трудно предположить, что больше десяти человек целую неделю выжидали благоприятный момент для нападения, и при этом их не обнаружил ни один из множества патрулей, которые со дня приезда Юрия регулярно прочесывали окрестности дачи. Значит, будут искать шпиона, если уже не нашли. Что стоило прогнать через «болтунок» всех обитателей дачи? Пол дня работы. Ну и пусть. У него есть огромное преимущество перед Хомутовым. Только Котел знает, по чьей инициативе убрали Юрия. Между ним и Дьяконовым нет посредников. А между стукачом с дачи и Котлом стояло несколько человек. И когда Хомутов доберется до конца цепи, ему не поможет даже «болтунок». С мертвых какой спрос?

Нелепое они выбрали место для встречи – скамеечку в городском парке. А ведь могли при желании снять на двоих огромный конференц-зал или шикарный ресторан и спокойно все обсудить в тишине и комфорте.

– Да, Удо, тебя не узнать, – заметил Франц Кречмер, впервые в человеческой истории используя это выражение не в переносном, а в буквальном смысле. – Молод, здоров, красив. Мне, старику, даже как-то не по себе становится рядом с тобой.

– Не переживай, Франц, скоро и ты будешь выглядеть не хуже меня, – дружески похлопал его по плечу Шлиц.

Кречмер поморщился, словно опять дала о себе знать больная печень, а затем эстафету боли подхватили и другие органы, изрядно намаявшиеся за почти девяносто лет непрерывной работы.

– Ты же знаешь, Удо, я никогда и никому не позволял принимать за меня решения. Или, может, операция прошла не совсем успешно, и у тебя возникли проблемы с памятью?

– Да нет, Франц, я все отлично помню, – Шлиц не стал обращать внимания на излишне резкую фразу приятеля, связывая его возбужденное состояние с открывшимися перед ним фантастическими возможностями. – Просто любой здравомыслящий человек на нашем месте ни на секунду бы не задумался, если бы ему предложили пересадку. Да что говорить – у тебя нет выбора.

Кречмер всем телом медленно повернулся к Шлицу. Иссохшая пергаментная кожа и бледные, бескровные губы придавали его лицу поразительное сходство с древней мумией, и только глаза говорили, что оно принадлежит еще живому человеку.

– Пацан, – с ядовитой иронией сказал он. – У человека всегда есть выбор. Это дикие звери слепо подчиняются инстинкту, а человеку Господь дал разум, чтобы он мог думать и принимать решения. И чтобы ты ни говорил, выбор, к счастью, у меня есть. Я предпочитаю смерть.

Шлиц неторопливо достал сигару. Превосходную сигару, стоимостью восемьдесят евро за штуку. Лет десять назад

ему пришлось бросить курить, чтобы продлить на год-другой то жалкое существование, которое врачи по недоразумению прозвали «жизнью». Теперь он снова мог получать наслаждение от лучшего в мире табака, абсолютно не опасаясь за свое здоровье.

– Черт, опоздал. Вот они – старческие маразмы. Какое счастье, что чаша сия меня миновала. А Франца жаль. Слишком многое нас связывало. Надо как-то переубедить старика, – подумал он.

– Я всегда был против смертной казни, но твоих благодетелей убил бы своими руками, – неожиданно заявил Кречмер. – Неужели так трудно понять, что индивидуальное бессмертие ведет к гибели человечества. Или слишком велико искушение?

Для старого маразматика он рассуждал на удивление здраво. Правда, Шлиц ничего не понял и спросил:

– Это почему же?

– А сколько ты считаешь прожить? – в свою очередь спросил Кречмер.

– Пока не надоест, – самонадеянно бросил Шлиц.

– У-у, это надолго. Теперь представь, что лет через двести-триста, когда население Земли увеличится многократно, судьбу человечества будут решать люди, родившиеся в конце двадцатого – начале двадцать первого века. Какие принципиально новые научные, экономические, управленческие идеи могут возникнуть в их закостеневших умах, впитавших

традиции, опыт, открытия двухсотлетней давности, что ценного они смогут дать своим народам? Да ничего. Мир погрузится в хаос, голод и нищета станут причинами жестоких войн, а те, в свою очередь, обретут человечество на окончательную деграцию.

– Франц, помнишь, что говорил тренер купленной нами футбольной команды, о главном секрете успеха в любом деле?

– Давно это было. Хотя... Постой, постой. Кажется, что-то о драгоценном сплаве молодости и опыта.

– Совершенно верно. А теперь я прошу, чтобы ты крепко-накрепко усвоил одну вещь: никто не собирается превращать все население Земли в расу бессмертных. Это удел элиты: самых богатых и тех, кого мы почитаем достойными бессмертия, от силы один процент населения. Все остальные будут рождаться, жить и умирать в полном соответствии с законами природы. Так что ты зря, притока свежей крови будет больше чем достаточно. И не вижу ничего страшного в том, что общее руководство каждым новым поколением возьмут на себя умные люди с громадным жизненным опытом. Нет, не хаос ожидает нас всех, а невиданное процветание.

– Процветание, как же, – усмехнулся Кречмер. – Откуда, если для десятков, сотен тысяч человек пересадка станет главной целью всей жизни и ежегодно суммы, равные доходу Франции, а может и Германии будут уплывать в карман твоих благодетелей, вместо того, чтобы питать экономику,

науку, ту же медицину. Попомни мои слова, это бессмертие всех нас погубит.

– Да брось, Франц! Пересадкой занимаются умные люди. К тому же их мало. Из полученных ими гигантских сумм лишь ничтожная часть уйдет на личные нужды, все остальное они пустят в оборот. Деньги вернутся в наши банки, только сменят хозяина.

– Сомневаюсь, что все так просто. Да ладно, тебя не переубедишь. Но скажи мне, Удо, приятно чувствовать себя убийцей?

До Шлица дошло не сразу. Несколько секунд он недоумевающе смотрел на собеседника и, наконец, спохватился.

– Ах, да, вот что ты имеешь в виду. Но пойми, Франц, этот юноша был обречен, – Удо не стал уточнять, что ему предлагали на выбор нескольких кандидатов на роль тел. – Если бы я отказался, нашлись бы другие желающие. К тому же, хотя... ты ведь знаешь, Франц... я никогда не был расистом... но свой народ – это свой народ, а тот юноша был славянином.

– Говоришь, если бы не ты, обязательно нашелся кто-то другой? Да, конечно, и не один – тысячи. Ради продления своих ничтожных жизней вы будете убивать, убивать и убивать. Были бы деньги, а тела найдутся, не правда ли, Удо?.. Что ж, я рад, что моему другу хорошо. Ведь тебе сейчас хорошо, верно? А мне немного осталось. Но я использую все свои силы и средства, чтобы остановить конвейер смерти, который ты называешь бессмертием, – Кречмер встал и,

не прощаясь, заковылял к поджидавшей его машине.

А у Шлица, несмотря на молодость, в висках застучали невидимые молотки – настолько сильно стало биться сердце. Вот и поделился хорошей новостью с другом. Пока дело не налажено, Кречмер с его деньгами и влиянием может все испортить. Достаточно поднять шумиху в прессе, указать астрономическую цену на пересадку – и нищие завистники душу вынут из правительства, пока оно не уравниет всех в праве на смерть. Что ж, друг Франц сам напросился. Подумать только, экая скотина. Ему с открытой душой, а он в эту душу нагадить норовит. Нет уж, такое не прощают. Как там инструктировал его Дьяконов – если кто-то будет вам мешать, позвоните Бреме, он решит проблемы такого рода. Да, хорошо, что телефон всегда под рукой.

Легкомысленное отношение к противнику грозило Железному Королю огромными неприятностями. Он явно недооценил умственные способности Котла, а тот мигом смекнул, что, как единственный свидетель, стал чересчур опасен для Арсения Викторовича, и лег на дно. Люди Дьяконова все малины прошерстили, разыскивая авторитета якобы для будущих совместных действий, но Котел будто сквозь землю провалился.

И скорбь по младшему сыну не помешала Хомутову лично заняться поисками его убийц. Господин генерал со смешанным чувством возмущения и восхищения наблюдал

за тем, как энергично вел Нефтяной Барон допрос его подчиненных – будто и не лежало в соседней комнате готовое к отправке бездыханное тело Юрия. И пока техник пристраивал шлем «болтунка» на голову очередного подозреваемого, генерал с ужасом думал, что, возможно, и его подвергнут этой унижительной процедуре. «Болтунок» создал американский ученый с довольно непривычной для жителя Нового Света фамилией Углоф. Прибор индуцировал внутри шлема электромагнитные волны заданной частоты, которые, воздействуя на определенные участки головного мозга, вызывали у человека жуткий, неконтролируемый, панический страх перед окружающими. Ему казалось, что если он вызовет у них малейшее недовольство, они его убьют. А человеку, на которого воздействовал «болтунок», очень хотелось жить. Этот прибор и создавался для лечения склонных к суициду индивидуумов. Кто ж знал, что ему найдут совсем другое применение.

Объятый ужасом человек не способен лгать. Ложь требует холодной работы ума и твердой решимости стоять на своем до конца, а «болтунок» начисто лишал человека способностей и к тому, и к другому.

На Западе в обстановке строжайшей секретности еще дебатировался вопрос о том, позволят ли парламенты их стран использовать «болтунок» в судебной практике, а «семерка» уже всю эксплуатировала его.

Четверо офицеров на вопрос Хомутова «кому они сооб-

щали о планах его сына?» ответили, как один:

– Никому.

Пятый нарушил столь любимое в армии единообразие, с трудом выговорив трясущимися от страха губами:

– Майору Ерофееву.

Услышав это, генерал сначала покраснел, затем побелел, и, наконец, его лицо приобрело слегка зеленоватый оттенок. Еще бы! Ему, как штабисту, положено шевелить мозгами, а он, мля... Конечно, не пойман – не вор, половина России сейчас молится на эту самую гуманную в мире поговорку, но ведь не зря ходили слухи, что Ерофеев наловчился воровать и продавать стрелковое оружие. Кому? Ясное дело – бандитам. «Семерка» – она сама возьмет. Тут бы генералу и сложить дважды два, хотя бы приблизительно, чтобы получить не меньше трех и не больше пяти. Раз бандиты воюют с «семеркой», а Ерофеев продает им оружие, он вполне мог оказать уркам и другую услугу. Какую услугу, кому из авторитетов конкретно – не важно. Не генеральское это дело – ковыряться в грязном белье жалкого майоришки. Все, что от него требовалось – под любым предлогом выставить Ерофеева из соседней части. Перевести куда подальше – на Таймыр или в Биробиджан. Пусть там послужит, орелик. А он упустил, не прочувствовал всю серьезность момента. И вот результат.

Сидевший рядом с Хомутовым помощник обратил внимание на неожиданное превращение бравого воина в жалкую

пародию на хамелеона, и прошептал что-то на ухо своему хозяину. Тот резко поднял голову и злобно бросил:

– Что, генерал, прошляпил или, хуже того, проданся? Отвечай, не тяни резину, а то мигом окажешься под колпаком.

И нервно ткнул рукой в направлении шлема «болтунка».

– Прозевал гада, – честно признался генерал, с ужасом глядя на кошмарное устройство.

– Если не врешь – черт с тобой, живи... капитан, – бросил ему Нефтяной Барон и приказал. – Ерофеева сюда, мигом!

Майора доставили через каких-то двадцать минут. С ним не стали церемониться и без всяких слов подключили к «болтунку». Ерофеев рассказал обо всем, что знал: кому продавал оружие, кого интересовал каждый шаг Хомутова-младшего на бывшей генеральской, а теперь капитанской даче. Главным действующим лицом оказался некий тип по кличке Урюк. Нефтяной Барон горел желанием лично познакомиться с этим южным фруктом, процветающим на суровой северной земле, но не довелось. Пока его молодцы нашли выход на уголовника, тот как в воду канул. А может, действительно канул с пудовой гирей в обнимку? Или был тщательно перемешан с застывшим бетоном до получения однородной массы? Кто знает? Ясно другое – Котел избавился от опасных свидетелей. Но Нефтяной Барон первым добрался до Ерофеева, и авторитет проиграл эту гонку. Конечно, Хомутов предпочел бы заполучить живого Урюка, но в определенных ситуациях даже покойники способны

рассказать много интересного. Урюк был слишком мелким зверем, чтобы поднять руку на Юрия, и он руководил одной из преступных групп в бандитском сообществе Котла.

Нефтяной Барон занялся поисками авторитета на три дня позже Железного Короля, но он обладал значительно большими средствами и возможностями. К тому же он действовал, не таясь от остальных членов «семерки», тогда как Арсению Викторовичу приходилось скрывать свои замыслы даже от ближайшего окружения. По сути это напоминало гонки с гандикапом «Жигулей» и «Феррари», с той лишь разницей, что никто не знал, за каким поворотом находится финиш, и поэтому было невозможно заранее предсказать победу одного из участников.

Как офлажкованный волк, Котел метался в пределах контролируемой им территории, скрываясь в разных местах и нигде надолго не задерживаясь. И все ближе к нему подбирались две группы преследователей. Наконец бойцам Нефтяного Барона повезло. Они ворвались в дом через несколько минут после того, как оттуда ушел Котел. «Болтунка» у них с собой, разумеется, не было, но некоторые чисто народные средства развязывают языки не хуже импортных. Один из обитателей дома был в курсе того, куда направился авторитет и как только убедился, что незваные гости не имеют никакого отношения к милиции, чистосердечно обо всем рассказал.

Котел уходил по всем правилам, на трех машинах.

Но в передней и задней находились по три человека, и лишь в средней пятеро. У авторитета просто не было больше людей, которым он решился бы доверить свою драгоценную жизнь.

Преследователи были оснащены куда внушительнее. Главную ударную силу представлял обычный с виду автофургон, на самом деле являвшийся закамуфлированным броневиком с трехсотсильным двигателем. На идеальном шоссе он, конечно же, проигрывал в скорости элитным легковушкам, но на российских дорогах еще ни одна от него не уходила, разве что вверх тормашками в кювет. Но всяко бывает, и поэтому броневик подстраховывали три скоростных «БМВ». Бойцов в машинах тоже было сравнительно немного – Хомутов предпочитал брать не количеством, а качеством. Любой из этих парней не только отличался великолепными природными данными и прошел суровую подготовку, но и доказал на практике свое умение убивать.

Преследователи настигли уголовников, когда те оказались далеко за чертой города. Котел покидал свои владения. Ему, наконец, удалось договориться с паханом, контролирующим соседний район, и тот предоставил коллеге по работе надежное укрытие. Там Котел надеялся затаиться до тех пор, пока Дьяконов не прикончит Хомутова. Или наоборот. Он и представить себе не мог, что Нефтяной Барон так быстро вычислит виновника гибели своего сына.

Броневик пристроился метрах в семидесяти от задней

машины уголовников и проехал так несколько километров. Но вот впереди показался крутой поворот. Броневик резко ускорился, и когда преследуемая им машина оказалась у самого поворота, хлестанула пулеметная очередь, превратив сидящих в салоне людей в набитые свинцом безжизненные тела. Неуправляемый автомобиль, продолжая двигаться прямо, на большой скорости вылетел с дороги и, птицей перемахнув кювет, клюнул носом в землю и пошел кувыркаться, с каждым ударом все больше превращаясь из шикарного авто в груды металлолома.

Уцелевшие беглецы на случившееся отреагировали моментально – видимо, предусмотрели заранее и такой поворот событий. Автомобиль Котла обошел шедшую машину, превратив ее в буфер между собой и преследователями. Одновременно резко возросли скорости. Уголовники надеялись, что они в два счета оторвутся от неуклюжего фургона, в котором по недоразумению оказалась пулеметная установка, но уже через минуту им пришлось распротиться с благостными иллюзиями. Броневик не отставал, выбирая момент для новой очереди. Выбоины и трещины покрытия не позволяли стрелку убрать с дороги автомобиль прикрытия. Когда же это случилось, оказалось, что Котел и его спутники, бросив машину, устремились к видневшемуся неподалеку лесу. Верно рассудив, что на легковушке от преследователей им не уйти, они, однако, переоценили резвость своих ног. Броневик остановился и дал очередь поверх голов бегущих.

Те залегли. Отвлекая внимание уголовников, их стали обходить вооруженные автоматами бойцы Хомутова. Это был, пожалуй, единственный случай в их богатой практике, когда за все время боя они даже не ранили никого из противников. Настоящая опасность для уголовников исходила от взбравшегося на крышу броневика снайпера. Иглы с новейшим транквилизатором одного за другим вывели из строя всех беглецов. Обездвиженный, но находящийся в сознании Котел с ужасом наблюдал, как хладнокровно добивали его беспомощных охранников. Авторитет был уверен, что ему специально демонстрируют это зрелище, а потом убьют последним – на десерт. Котел и не предполагал, что перед смертью ему придется о многом рассказать.

Вадим, не глядя, нажал кнопку пульта. Ворота разошлись и, как только машина въехала во двор, снова сомкнулись. В новый дом он переселился почти год тому назад и с тех пор здесь властвовал хаос, типичный для жилища холостяка. Конечно, за годы учебы и службы он приучился к идеальному порядку, но это касалось небольших помещений, где каждая вещь лежала на своем месте и в любой момент могла быть использована по назначению. И в его прежней маленькой квартире царили идеальные чистота и порядок. Но пять огромных комнат и уйма разных вещей, подаренных друзьями на новоселье, могли свести с ума даже самого фанатичного ревнителя чистоты. А Вадим порой до шестидесяти часов в неделю проводил на службе. Хорошо бы завести до-

мохозяйку, но на это руководством наложило негласный запрет. Хозяин Горы сильно нервничал, если в дом к его элитным бойцам начинали ходить посторонние люди. Доходило до того, что даже жен им следовало выбирать из служащих Лифшица. То есть никто на этом не настаивал, но женитьба на своей автоматически означала повышение по службе.

– Интересно, а посчитают ли своей Аннушку, когда она закончит курсы? – с улыбкой подумал Вадим.

Себя он давно считал человеком Лившица, хотя никогда не стремился попасть в услужение «семерке».

С детства Вадим был лидером. Он был сильнее, ловчее и, главное, сообразительнее сверстников. Не умнее, а именно сообразительнее, то есть мог в доли секунды найти правильный выход из любой, в том числе критической, ситуации. И то, что после школы он поступил в элитное спецучилище, объяснялось совершенно естественным желанием довести до совершенства именно те качества, которыми его щедро наградила природа. Вадим не мог знать, что недавно открытое училище процветает только благодаря щедрым денежным вливаниям «семерки» и неких подставных лиц, являющихся официальным прикрытием уголовников. Нищее государство, погрязшее в долгах и чиновничьей роскоши, отдало на откуп бандитам подготовку своих лучших бойцов. Так обстояли дела во всех российских частях, где готовили элиту. Для обычных частей щедрых спонсоров не находилось. Кого интересовали ребята, которых врачи отправляли

на службу с формулировкой «годен», про себя добавляя:
– Если доживет до призыва.

Порядки в училище были жесточайшие, и все находилось под контролем начальства. Даже «дедовщина». Понимая, что на занятиях можно дать только навыки, а человеческий характер формируется преимущественно в быту, офицеры разрешали курсантам-старшекурсникам периодически терроризировать новичков. Но при этом рукоприкладство считалось лишь одним из, причем не самым главным, методов воспитания, а за нанесение тяжелых травм или необратимое повреждение внутренних органов следовало жестокое наказание. Так что воспитатели сами постоянно учились держать себя в руках.

Занимались будущие супермены на пределе человеческих возможностей. Ежедневные кроссы и преодоление «адской» полосы чередовались с рукопашным боем, продолжительной стрельбой из всех видов оружия и уроками вождения. В классах изучали тактику действия в боевых группах и поодиночке, подрывное дело, связь, а также психологию, медицину, английский язык, которым курсанты овладели лишь немногим хуже выпускников иныаза.

На последнем курсе Вадиму намекнули о будущем месте работы. Он был одним из лучших и поэтому достался члену «семерки», а не уголовному авторитету. Но не самым лучшим, и оказался у Лифшица, а не Хомутова. Хотя говорить вслух о том, что их ждет, было не принято, все курсанты зна-

ли, кому вскоре понадобятся их сила и мужество. Из семидесяти выпускников лишь девятерым самым слабым предстояло защищать Родину. Больше ей было не по карману.

Честно говоря, Вадим предпочел бы оказаться среди этих девяти, поскольку не отличался особой любовью к негласным хозяевам страны. Но не судьба. Конечно, он мог отказаться – прецеденты были. Но отказников моментально отправляли в какую-нибудь точку погорячее – и это считалось удачей. Потому что еще чаще их до конца службы ссылали в глухую тундру или на один из островков в Тихом океане, где если не штормит, то жди землетрясения, и нет женщин, а есть только самки – сивучей, морских котиков, тюленей.

И Вадим благоразумно отправился «по распределению». До недавнего времени служба у Лифшица мало отличалась от курсантского бытия. Только меньше гоняли и куда больше платили. Не всем выпускникам удалось выдержать новое испытание на прочность. Все же за четыре года каждый из них превратился в отлаженную боевую машину. Причем, живую. Это танк может годами стоять на консервации, а когда придет время, с лязгом и грохотом покатить навстречу врагу. Человека не покроешь обильно смазкой и не упрячешь в арсенал. Любой талант требует постоянного развития – художника, ученого, слесаря, воина. Отсутствие настоящего дела заставляло одних поддерживать достойную форму, а других – плюнуть на все и искать смысл жизни в удовольствиях. Дорожка накатанная и все с горы – женщины, выпивка,

запой, увольнение с треском и без всяких выплат. Разведка у Лифшица работала безукоризненно. За последние годы отсеялось несколько приятелей Вадима. Начальство этот факт волновал мало. Были бы деньги, и всегда можно будет приобрести новых легионеров по доступной цене.

«Болтунок» сиротливо притулился в углу комнаты, и его свисающие со стола электроды напоминали безвольно опустившиеся руки человека, которому пообещали замечательную работу, а в последний момент не дали.

Котел верно рассудил, что только случайность помешала Дьяконову безжалостно расправиться с ним, и сдавал своего недавнего союзника с потрохами, одновременно пытаясь обелить себя в глазах Нефтяного Барона.

– Значит, именно Дьяконов сообщил тебе, где находится Юрий? – спросил Хомутов.

Егор Афанасьевич сидел в удобном кресле напротив нервно ерзающего на жестком стуле Котла. Кроме них в комнате находился всего один человек – первый помощник и главный охранник хозяина, Янычар, прозванный так из-за отца, наполовину турка. Нефтяной Барон хотел, чтобы их разговор остался тайной. Даже для сына Василия.

– Он, он, – ответил Котел с несолидной для его статуса поспешностью.

– А на Ерофеева кто вышел? – вкрадчиво поинтересовался Егор Афанасьевич.

– Так это... Дьяк откуда-то знал, что у нас есть свой человек в части. Куда мне было деваться, – не смея лгать в главном, пахан явно преувеличил осведомленность Железного Короля и безвыходность своего положения.

– Надо было со мной связаться, мил человек, предупредить об опасности. Тогда бы не ты, а Арсений Викторович трясся здесь от страха, а для тебя сейчас музыка в кабаке играла, женщины голые плясали... Ах, какие женщины, – Нефтяной Барон страстно вздохнул, словно он лично многие годы поставлял авторитету женщин.

– Так это... не мог я. Война же из-за вас началась, без вопросов. Если бы мы с вами скорешились, братва бы меня на кусочки порезала и крысам скормила.

– Ладно, оставим в покое фантазии, займемся фактами. Чьи люди убивали Юрия?

– Так это... Дьяк сам решил, кого взять, постоянно триндел, что хотя бы часть людишек должна быть старыми делами связана с Насреддином.

– Он решил, а кто лично набирал? Патриарх Всея Руси?

– Нет, конечно, – авторитет тяжело вздохнул, горько сожалея, что не Патриарху досталось столь щекотливое дело. – Я набирал. Так это... если б не я, Дьяк нашел бы другого человека, а меня кореша... – Котел запнулся.

– На куски порезали и крысам скормили, – охотно подсказал Хомутов.

Котел вздохнул. Мол, раньше за меня решали, теперь –

договаривают, а я человек маленький, мое дело – со всем соглашаться. Он словно забыл, что является главарем мощной бандитской группировки, и Нефтяной Барон прекрасно об этом знает. Но тут и Хомутов решил подчеркнуть, что Котел всего-то пешка в затеянной Железным Королем игре.

– Так, значит, Дьяконов говорил, что я тебе не по зубам, меня он возьмет на себя?

– Чтоб меня на зоне опустили, если я вру! – поклялся авторитет, в запале строя слишком радужные планы на будущее. О зоне он теперь мог только мечтать.

– Все ясно, – Егор Афанасьевич посмотрел на Котла и вдруг улыбнулся. – Ну вот, мы тебе даже по морде как следует не врезали, а ты нам все выложил, будто на исповеди. Кстати, может на небесах тебе это зачтется?

– Может, – безразлично согласился Котел.

Он давно знал, что Хомутов его убьет. Не мучают перед смертью – и на том спасибо.

Авторитета увели. Янычар по-прежнему оставался рядом с хозяином.

– Да, крепко обмишурился Арсений Викторович. Рассказал этому ничтожеству о своих планах, не сомневаясь, что распинается перед живым трупом, а мы его опередили, – самодовольно заявил Хомутов.

– Может не стоит пока кончать уголовного? Пусть он расскажет о подлянке дьяконовской Ахтубу, Чачину и остальным.

– Думаешь, они не в курсе? Кроме Ахтуба с Крапивинным и, возможно, Бугрова, которые мне и на слово поверят, все жаждут моей крови. Одна шайка.

Хомутов замолчал. Поняв, что хозяин не собирается продолжать, Янычар спросил:

– Подобрать людей для ликвидации Дьяконова?

Нефтяной Барон недовольно глянул на своего не в меру ретивого помощника и совершенно неожиданно спросил:

– Как там море? Говорят, вода уже двадцать градусов. Не пора ли нам к нему перебираться?

Янычар изумленно посмотрел на хозяина. Над ним нависла смертельная опасность, а он, вместо того, чтобы немедленно обрушиться на еще не готового к схватке врага, собирается к морю. Купаться ему, видите ли, приспичило. Эх, старость, что же она с людьми делает. Или у Хомутова из-за гибели сына мозги в разнос пошли? Сперва незаметно было, а вот накатило?

Но Егор Афанасьевич знал, что делает, и продолжил, теперь уже безапелляционным тоном:

– Оборону дома сделать непробиваемой, по всему периметру участка расставить мины. Там рядом с Ботсадом торчит двухэтажная халупа – снести к чертовой матери, чтоб ни снайперам, ни козлам с базуками негде было пристроиться. Да что я тебе говорю, ты же лучше меня знаешь. Я собираюсь перебраться туда как можно скорее, потому что мои бывшие друзья, в отличие от уголовников, здесь, в Москве, могут ме-

ня достать, и останусь там надолго, чтобы у тебя было время подготовить идеальную ликвидацию Дьяконова. Идеальную, понимаешь? Если у него будет хоть один шанс выжить, забудь о такой идее и давай новую, ясно?

Янычар не знал подробностей задуманного Железным Королем грандиозного проекта. А Хомутов своими глазами видел «пересаженного» и понимал: на уничтожение Дьяконова у него есть только одна попытка. Если после нее Железный Король останется жив, то перепорхнет в другое тело и поминай, как звали. Эх, почему же он с самого начала не установил слежку за хирургами? Сейчас бы прихватил их, и мог диктовать остальным свои условия. И тогда бы все приспешники мигом оставили уважаемого Арсения Викторовича. Ради вечности на что угодно пойдешь. И все. Был король железным, а стал голым. Но, увы. Теперь придется безвылазно сидеть у моря, уповая на расторопность Янычара.

На секунду задержавшись у распахнутых швейцаром дверей, Удо недовольно посмотрел на жену. Илона, как и много лет тому назад, провожала его до выхода, только раньше она целовала его на прощание. Теперь нет. Этого Шлиц не смог бы вынести. Раньше Илона годилась ему в дочери, сейчас – в матери. В первые дни своей новой жизни Удо как-то не замечал что привычное и некогда любимое лицо покрыто морщинами, кожа утратила свежесть, а тело, несмотря на усилия диетолога и инструктора по гимнастике уже

не приковывает взгляд, а заставляет отводить глаза в сторону. Вернее, замечал, но относился к этому спокойно.

А затем что-то произошло. Наверное, гормоны, активно вырабатываемые железами молодого тела, как в компьютере, стерли программу стариковского восприятия действительности и стали безостановочно записывать новую. Знания и мысли оставались прежними, но эмоции, желания с каждым прожитым днем все больше соответствовали возможностям нового тела. Заметив как-то на улице стайку полетнему одетых девушек, Удо вдруг ощутил, что рассматривает их не как экспонаты выставки «Молодость и красота», а как желанных и, наверняка, доступных созданий. В той, первой молодости Шлиц был слишком поглощен карабканьем на вершину делового мира. Там ведь, как в альпинизме: надо безостановочно лезть вверх, пока не доберешься до места, где можно устроить небольшой привал и отдышаться. А остановишься не вовремя – и кубарем покатишься вниз, пока твое, все переломанное, а то и бездыханное тело не окажется у подножья. Вот и получилось, что не успел Шлиц взять от жизни положенной ему доли нормальных человеческих радостей: не выпил своего на дружеских пирушках, не побывал просто из любопытства ни в одной экзотической стране, не долюбил всех, кого бы мог, щедро тратя энергию молодости. А когда появилось время и возможности, желания осталось только на то, чтобы найти хорошую девушку и жениться на ней.

И прожили они вместе с Илоной почти тридцать лет. Срок вполне достаточный, чтобы досконально изучить привычки супруга и стать для него незаменимым. Шлиц не представлял, как он после стольких лет сможет ужиться с другой. Новая женщина, которая не знает даже того, что Удо не выносит никакой музыки, кроме простеньких, незатейливых мелодий. Кошмар. Опять тратить годы на то, чтобы приручить друг друга.

И Шлиц все больше склонялся к мысли, что надо оставить Илону. Точнее, ее привычки, характер, знание мужа. Что же касается внешности жены, то тут Удо мог дать волю своей фантазии. Желательно, чтобы она походила на самую известную сейчас фотомоделю, как ее там, Хельга Левински. В идеале, конечно, хотелось бы точную копию, но Шлиц понимал, что исчезновение такой знаменитости, а затем появление как две капли воды похожей на Хельгу красавицы в его доме может привести к большим неприятностям. Ладно, ограничимся просто очаровательными, хотя и мало популярными женщинами. Лучше из России, тогда уж точно все обойдется. Лишь бы Илона не заупрямилась, как идиот Кречмер. Не должна, она женщина умная. Правда, ей только исполнилось шестьдесят и на здоровье не жалуется, может упереться. Но ничего, какая женщина не мечтает вновь стать двадцатилетней.

Кстати, о Кречмере. Дурацкая смерть – оступился на лестнице и разmozжил себе голову. Врачи считают, что старость

виновата. Закружилась голова не вовремя, вот он и приложился ей о ступеньки. Эскулапы, конечно, дело свое знают, но и люди, подосланные Бреме, тоже. Мастерски они устроили несчастный случай, возможно, и сам Кречмер ничего не понял. Не успел.

Что ж, со следующим кандидатом на вечную жизнь надо говорить осторожнее, сначала выяснить его отношение к пересадке вообще, и только потом переходить на личности. А то количество несчастных случаев среди преуспевающих бизнесменов и банкиров превысит все разумные границы. Впрочем, хочется верить, что Кречмер является вовсе не правилом, а исключением. Да и Франц перестал бы молоть чепуху, очутись хоть на часок в новом теле. Вот он, пока единственный, уникальный случай, когда и старость умеет и молодость может, и все в одном человеке.

Между прочем, многие конкуренты и даже партнеры корпорации Шлица сильно обжигались, видя перед собой молодого человека и рассчитывая урвать себе лишний кусок, воспользовавшись его неопытностью. Ведь Удо не спешил оповестить о своем чудесном превращении, и почти все видели в нем молодого и глупого счастливику, которому по невероятно удачному стечению обстоятельств привалило миллиардное наследство. И каждый, даже обладающий кристально чистой репутацией, бизнесмен, глядя на идиотскую улыбку, не покидающую лица Удо, невольно думал:

– Этому придурку и так слишком повезло. Почему бы

не кинуть его на пару миллионов.

Шлиц жизнерадостно выслушивал все деловые предложения, почти в каждом обнаруживая небрежно замаскированную ловушку, рассчитанную на его слабое знание законов и рыночного спроса. Благодаря огромному опыту, он быстро находил решение, которое приводило не совсем к тем результатам, на которые рассчитывал партнер, и тут же заключал сделку. Через недельку-другую незадачливый аферист, узнав о крахе своей хитроумной затеи, долго сокрушался:

– Как же так? Он же не мог этого знать, ведь только месяц занимается делами. Везет же молокососу. Так меня обчистить!

А поскольку желающих отхватить себе часть состояния Шлица для такой добропорядочной страны, как Германия, оказалось до неприличного много, уже через месяц Удо компенсировал едва ли не треть средств, затраченных на пересадку.

Соответственно изменились и слухи, которые не могли не сопровождать появления из неизвестности наследника Шлица. Молодой человек был хорош собой, и поначалу все дружно заговорили о том, что Удо был замечательным конспиратором и только после его загадочной смерти можно точно определить истинную сексуальную ориентацию усопшего. Один предприимчивый торговец-оптовик придал этой сплетне окончательную завершенность, решив, что наследник не должен в сексуальном плане отличаться от Удо и, при-

хватил на деловую встречу популярного в некоторых кругах стриптизера-гея. Только нежелание Шлица иметь дело с властями позволило обоим выбраться на улицу живыми и невредимыми.

К тому времени Удо провернул массу блестящих сделок, и теперь заговорили о том, что безнадежно больной Шлиц хотел видеть свой концерт процветающим и, поскольку на собственных детей особых надежд не возлагал, тайно нашел талантливую парня и сделал из него своего приемника.

После неудачи с Кречмером Шлиц не торопился вступать в новые переговоры, тщательно подготавливая для них почву. А заодно наслаждался жизнью во всех ее проявлениях. Что касается работы, то сейчас у него уходило всего три-четыре часа на то, что лет пять тому назад, когда он еще был в состоянии лично заниматься делами, требовало целый день. У Шлица появилась масса свободного времени. Не теряя его даром, он познакомился с Хельгой Левински. У той как раз завершился разрыв бурный роман с известным поп-музыкантом. Он уплыл от Хельги в море своих поклонниц, а фотомодель зализывала душевные раны, гуляя в одиночестве по живописным берегам маленького тихоокеанского острова, подаренного ей Шлицем. Впрочем, Удо регулярно навещал ее, и тогда они вместе энергично забывали легкомысленного и ветреного представителя богемы.

– Значит, опять война! – Огнетушитель опустил голову вниз, избегая встречаться взглядом с Дьяконовым.

– Какая война, о чем ты? – искренне удивился Арсений Викторович. – Усвой одну элементарную вещь. Наше дело отличается, как говаривали раньше, большой степенью обобществления, особенно топливный клан. Тот же Бугров может руководить людьми Хомутова и Крапивина.

– И он возьмет на себя все их дела?

– Взять-то бы взял, да кто ему даст? Не хватало нам еще одного Хомута на свои шеи. Не о том речь. Просто я хочу тебе втолковать, что ни о какой войне речи не идет. Надо всего лишь убрать двух человек. Вернее одного – Хомутова. А Крапивина взять живым. Он, недоносок, в свое время любил надо мной поиздеваться. Неплохо бы отплатить ему той же монетой.

– Легко сказать. Это ж не парочку алкашей подстеречь в закоулке. Люди серьезные. К Хомутову сейчас вообще не подступиться. Охраняет себя почище российского золотого запаса. Да и с Крапивинным возни хватит, особенно если брать живьем.

– Живьем-живьем, – усмехнулся Дьяконов. – А с Хомутовым я тебе помогу, есть идея.

Огнетушитель изумленно уставился на хозяина. Откуда у него могут быть идеи? Он уже сто лет не занимается делами такого рода. Выдумал, небось, какую-нибудь глупость, теперь, вдобавок ко всему, придется соображать, как от нее от-

брехаться. Будто и без того мало проблем. Шутка ли – убрать двоих самых влиятельных членов «семерки».

– Так говоришь, Хомутов решил отсидеться в своем особняке? – спросил Дьяконов.

– Боюсь не только отсидеться. Янычар что-то больно засуетился, не к добру это.

Железный Король моментально сообразил, чем вызвано суечение Янычара. Разведка донесла, что Хомутов лично посетил генеральскую дачу и в качестве приятного сюрприза захватил с собой «болтунок». Вскоре после этого на территории Котла обнаружили три искореженные машины и кучу трупов. Все они еще недавно составляли главную ударную силу авторитета... Увы, тела самого главаря среди них не было. Даже двоечник школы для умственно отсталых догадался бы, что это означает: Хомутов вычислил Котла, взял его живым и с помощью «болтунка» узнал о роли Железного Короля в убийстве сына. Теперь они на равных: Хомутов охотится на Дьяконова, Дьяконов на Хомутова. Разница лишь в том, что Янычар не прекратит этого увлекательного занятия даже после смерти хозяина, а вот в Огнетушителе Арсений Викторович вдруг засомневался.

Словно, прочитав мысли Железного Короля, тот осторожно заметил:

– Вам бы пока хорошо вообще не выходить из дома.

– Нет, я сейчас же возьму любовницу и поеду с ней в чистое поле, загорать и пьянствовать, – злобно выпалил Дья-

конов. – Для таких советов я мог бы взять самого дешевого юриста. На четверть ставки. Ты лучше думай над своими проблемами.

Закончив разговор, Арсений Викторович спустился вниз, к бассейну, в котором плескалось что-то большое и темное.

– Ну, как наше животное? – спросил он у подбежавшего неуклюжей рысью человека в белом халате.

– Чувствует себя превосходно, аппетит зверский. Но лучше поторопиться. Почему-то эти твари в неволе долго не живут.

– Кто должен торопиться, я или вы? – Железный Король еще не отошел от предыдущего разговора и вновь повысил голос.

– Так у нас все готово, – заверил его белый халат. – Даже провели три успешных операции такого рода. И вы не хуже меня знаете, в чем причина задержки. Честно говоря, даже обидно...

– Ну-ну, вы не волнуйтесь, – пошел на попятную Дьяконов. – Я сегодня что-то не в духе, вот и погорячился.

Белый халат облегченно вздохнул. Он не чувствовал за собой никакой вины, но разве в этом дело. Если хозяин вдруг тебя невзлюбил, никто не будет взвешивать твои достоинства и недостатки. Хорошо, если просто вышвырнут на улицу. Но не всем так везет.

– Вы уверены, что... э... операция пройдет успешно? – поинтересовался Железный Король.

– Конечно, условия не совсем обычные. Придется стоять по грудь в воде. Да и анатомия несколько отличается от человеческой. Но здесь будут задействованы наша лучшие силы. К тому же вы предоставили нам идеальные условия, обеспечили лучшим в мире оборудованием, – не упустил случая польстить хозяину белый халат.

– Вот и чудесно. Завтра утром вы должны быть готовы.

Озадачив собеседника, Арсений Викторович вновь поднялся в свой кабинет и надавил кнопку селектора:

– Ко мне эту падлу.

К счастью, для невидимого слушателя «эта падла» в особняке была всего одна, так что ему не пришлось, обливаясь холодным потом, мучительно размышлять: кого же именно хочет видеть хозяин. Через минуту в комнату ввели молодого парня, который вздумал переметнуться к уголовникам, но был схвачен.

– Дурак ты, Вовчик, – поприветствовал его Дьяконов. – Чтобы отважиться на такие фокусы, надо быть круглым сиротой.

– Так я и есть сирота. Родители при взрыве дома погибли.

– Родители – ладно, земля им пухом. Но у тебя, оказывается, есть сестра-красавица. Живехонькая, что характерно.

Вовчик резко побледнел. Дьяконов это заметил и гнусно ухмыльнулся:

– Любишь, значит, сестру. А мы ее, лапушку, бойцам моим бросим. Как собаке кость. Знаешь, что собаки с костью

делают?

Если бы не мертвая хватка охранника, Вовчик сейчас впился бы в горло Дьяконову. Зубами, руками – чем удалось.

– Не дергайся, а слушай внимательно, – заявил Железный Король. – Ты, небось, все это время голову ломал: почему мы тебя до сих пор в бетон не закатали. А потому. Есть дело. Справишься – и сестру твою никто не тронет, и сам выйдешь на волю с чистой совестью и хорошим денежным вознаграждением. Ну как, будешь слушать, не станешь делать глупости?

Вовчик с готовностью кивнул головой.

– Отпускай его, – приказал Дьяконов охраннику и сказал Вовчику: – Подойди сюда.

Когда Железный Король шепотом сообщил ему все, что хотел, Вовчик с отвращением затряс головой.

– Дурень! Так ты стопроцентно покойник, а согласишься – скорее всего уцелеешь, а уж сестру точно сбережешь. Понял?

– А можно я подумаю? – тихо выдавил из себя парень.

– Нашел занятие. Да за тебя уже другие подумали, тебе действовать надо.

Зазвонил телефон, обрывая утренний сон на самом интересном месте. Вадим схватил трубку, молча выслушал, а когда понеслись короткие сигналы отбоя, дал волю своим чувствам:

– Тревога, час на сборы. Идиоты. Можно подумать, я со-

бираюсь прихватить на задание все вещи, включая телевизор. Хватило бы и десяти минут. Лучше бы еще поспать дали.

Он заварил себе кофе и стал не спеша его пить, вдыхая аромат. Кто знает, доведется ли попробовать еще. Не все возвращались домой после таких звонков. И зачем брать с собой личный пистолет, если на базе хватает более серьезного оружия. Хотя сказано «с глушителем». Значит тайная операция. А до глушителей на гранатометы еще никто не додумался. Ладно. Побриться, что ли, раз времени навалом или не стоит – дурная примета?

Их собралось человек двадцать, лучшие бойцы Хозяина Горы. Вадим ждал, что перед ними поставят боевую задачу, но вместо этого их рассадили по машинам и повезли в аэропорт. Это настораживало куда больше, чем то, что им не дали ни серьезного оружия, ни бронежилетов. Значит, предстоит скрытая атака, скорее всего ночная, и «броники» будут сковывать движения. Но почему держат в секрете план операции? Раньше от них ничего не скрывали, каким бы серьезным не было дело. Явно готовится что-то чрезвычайное. Может, требуется убрать президента? Или хуже того – самого Хомутова? Ведь поползли неясные слухи, что в «семерке» начались серьезные раздоры. Похоже, очень похоже. И морды у главных начальников до противного мрачные. Да, если предстоит ликвидация Хомутова, мало им не покажется.

Наконец их привезли в аэропорт, рассадили по самолетам.

– А чего в два, мы бы все в одном запросто поместились? – спросил Вадим.

– Начальство считает вас слишком ценным грузом, чтобы везти в одном самолете. Вдруг он разобьется.

– Ясно. А если наши самолеты столкнутся в воздухе?

Никто не отреагировал на черный юмор. Незнание томила всех больше самой мрачной перспективы.

Когда самолеты приземлились, их снова объединили в одну группу, из которой выбрали пятерых человек, в том числе Вадима. Оставшиеся, о чем никто не догадывался, должны были вместе с бойцами еще трех членов «семерки» лететь в Крым на подстраховку, а всю пятерку, отобранную потому, что они имели опыт ведения боевых действий в ночных условиях, усадили в закрытый фургон и куда-то повезли. Выгрузили ребят во дворе у неказистого с виду домишки, обставленного внутри без вызывающей роскоши, но добротно. Там уже находилось десять незнакомых парней, а вскоре прибыло еще пятеро.

– Да это же Москва! – воскликнул один из них, выглянув в окно.

– Откуда ты знаешь? – сразу человек восемь задали один и тот же вопрос.

– Да вон Кремль на горизонте.

– Какой Кремль! Что ты мелешь! Тут из окна кроме забора ничего не видно.

– И все равно Москва. У большого города атмосфера осо-

бенная, ее сразу ощущаешь.

– Да какая тут атмосфера, смог один, – подал голос Вадим и хотел еще что-то добавить, но не успел.

Дверь распахнулась, и в комнату вошел мужчина, чей вид почему-то ассоциировался с каким-то еще не созданным человечеством, но, безусловно, смертельным оружием. Хотя почему не созданным? Вот он, Огнетушитель, вполне материальный и всегда готовый к действию. Вадим не знал почти никого из бойцов других членов «семерки», но главного боевика Железного Короля несколько раз видел издали и отлично понимал, что присутствие здесь Огнетушителя говорит о чрезвычайной серьезности предстоящей операции. Так оно и случилось.

Когда после детального инструктажа бойцы остались собираться и дожидаться наступления темноты, даже записные оптимисты прикусили языки. Если и вспыхивали разговоры, то исключительно по делу. Люди тщательно проверяли свою экипировку и снова прокручивали в уме нюансы предстоящего задания. Еще бы. Им приказали взять живым самого Крапивина.

Смеркалось. Волны с коротким всхлипом выбрасывались на берег, и галька, дробно постукивая, отряхивала с себя капли воды. Смолкли птичьи крики, и лишь откуда-то изда- лека доносился шум работающего мотора.

Молодая девушка в сопровождении двух мужчин подо-

шла к самой кромке воды.

– Это здесь, – сказал один из провожатых, заметив скалистый уступ с росшим на нем одиноким деревом. – Скоро вы убедитесь, что мы не кучка сумасшедших, бежавших из дурдома и создавших тайную лигу шизофреников и параноиков. Я понимаю, милая девушка, что вам легче было бы поверить в летающие тарелки, набитые маленькими зелеными человечками, как трамвай в час пик, но чего нет, того нет. Впрочем, мы предлагаем вам не менее захватывающее зрелище: родной брат в... постойте, куда же вы?

Девушка, как была в легком платье, стремительно устремилась в воду. Одежда моментально намокла и облепила ее тело, бессовестно подчеркивая высокую грудь, тонкую талию и соблазнительные бедра. Но мужчинам было не до эротических наблюдений.

Из открытого моря к девушке на огромной скорости устремилось крупное и явно хищное животное. Оно мчалось с такой грозной целеустремленностью, что у стороннего наблюдателя не осталось бы никаких сомнений в плотоядности его намерений. У девушки еще был шанс добраться до берега, но она, как замороженная, смотрела на приближающуюся громадину. Через несколько секунд животное оказалось совсем рядом, и можно было с уверенностью сказать, что это не безобидная афалина или белобочка. Оно превосходило их размерами, у него не было характерного для большинства дельфинов клюва, а в раскрывшейся пасти можно бы-

ло заметить смертоносные зубы удачливого и беспощадного хищника. Эта была малая или черная косатка, ближайший родственник кита-убийцы, практически никогда не встречающаяся в Черном море и просто чудом оказавшаяся у берегов Крыма. Резко сбросив скорость, косатка подплыла к девушке.

– Ну, что, Вовчик, Вот она, твоя сестренка. А ты не верил, что мы ее найдем, – сказал один из мужчин.

Косатка ловко изогнулась и, взмахнув хвостом, окатила его с него до головы водой. Тот, чертыхаясь, отскочил подалее от берега.

– Володя, родной, что они с тобой сделали! – обхватив руками влажную голову морской твари, запричитала девушка.

– Ну, прям как в сказке, не пей из лужицы, козленочком станешь, – негромко заметил один из мужчин и крикнул девушке. – Не волнуйтесь. Если ваш брат будет себя хорошо вести, через каких-то пару дней сможете обняться с ним по-человечески. А ты, Вовчик, учти. Твоя сестренка будет ждать твоего возвращения вместе с нами. Так что смотри, не балуй.

Мужчины еще пару минут понаблюдали за встречей, как они успели окрестить, дельфина и русалки, а затем потребовали:

– Хватит извращаться. Еще, не дай Бог, какой-нибудь отдыхающий сюда заявится. Слухов потом не оберешься.

Девушка покорно побрела к берегу. Она верила, что скоро брату вернут нормальный человеческий облик. Она на-

деялась, что все образуется. Она не понимала, что оказалась посвященной в ужасную тайну, и ее при такой красоте ждала кошмарная участь: стать телом для умирающей старухи с толстым кошельком и неистребимым желанием начать жизнь сначала.

– Ну, идем, Аленушка, – усмехнулся один из мужчин.

– Почему вы назвали меня Аленушкой? – удивилась девушка. – Вы же знаете, я – Ирина.

– Да, так, сорвалось, – продолжая усмехаться, ответил тот.

Незнакомый боец оказался прав, они действительно находились в Москве. Гигантский мегаполис соблазнял огнями рекламы, шикарными ресторанами, внешне пристойными игорными домами, продажными женщинами, не пристающими к клиентам разве что в их собственных квартирах. Но сейчас бойцов это мнимое великолепие нисколько не интересовало. У них свои дела.

Московский особняк Крапивина находился вдали от мирской суеты на одном из бывших пустырей, благодаря капризу «семерки», превращенному в заповедные места обитания самых одиозных деятелей государства.

Оставив транспорт на городской улице, бойцы незаметно подобралась к объекту. Высоченный каменный забор, способный отпугнуть любого грабителя, вызвал у них лишь ироническую улыбку. Главное, что техники Огнетушителя каким-то образом сумели отключить сигнализацию. И вдо-

бавок Крапивин органически не переносил собак. Может, у него была жесточайшая аллергия на их шерсть, или в детстве его до полусмерти запугал какой-нибудь ризеншнауцер – кто знает? Но обученная собака, как правило, сама обнаруживает человека, каким бы суперпрофессионалом он не был, и поднимает тревогу, а вот не ожидающих нападения охранников Крапивина более чем реально застать врасплох.

Сделанное из пластмассы альпинистское снаряжение позволяло избежать лязга и стука. По гребню стены змеилась колючая проволока, да не простая, а впивающаяся в тело человека сотнями крючков, наподобие рыболовных. Если попался, то сиди, не дергайся, жди, пока освободят, а вздумаешь вырваться, превозмогая боль, рискуешь умереть от потери крови, хлещущей из множества ран. Но на то они и элита, чтобы на этот раз стальному монстру не удалось отведать человеческой плоти.

Вадим оказался среди четверки бойцов, преодолевших стену. На этом в первой части операции наступил антракт. Не стоило продолжать, рискуя быть обнаруженным, ведь на шестерых или восьмерых охранников, находившихся вне дома, перебравшихся вполне хватит.

Первого телохранителя Вадим с напарником обнаружили... мирно дремавшим в ажурной беседке. Видно загулял юноша прошлой ночью, и теперь активно восстанавливал утраченные силы. Ах, женщины, женщины. Наверняка, опять они виноваты. Бойцы не стали тревожить бедолагу,

лишь превратили его ночной сон в вечный.

Троица, перекуривавшая у ворот, доставила им немного больше хлопот. Крапивин, нехороший человек, совсем не позаботился о нормальных условиях работы для убийц. Хоть бы пару-тройку деревьев высадил на своем участке или кустиков погуще. А так все по-пластунски да короткими перебежками.

Подобравшись, одели специальные очки. Видно в них, как днем, но стоит поносить часок – и сутки мучаешься от дикой головной боли. Охранники, естественно, такого себе позволить не могли, в крайнем случае использовали приборы ночного видения.

Наконец один из телохранителей закончил перекур и потащился с бычком к сделанной под древнюю амфору урне. Конечно, здорово, что Крапивин прививал своим парням любовь к чистоте, но когда один окурок занял свое законное место, два других шлепнулись на идеально чистую дорожку. Через секунду рядом с ними улеглись оба курильщика.

Напарник пользовался миниатюрным арбалетом с ловкостью средневекового воина. Когда «бычконосец» повернулся к своим приятелям, вторая стрела устремилась в цель. Охранник даже ойкнуть не успел. Вадим уважительно посмотрел на напарника. Конечно, метательный нож, которым он уложил одного из троицы, тоже годится для бесшумной ликвидации, но ему далеко до эффективности древнего стрелкового оружия.

Вторая пара тоже времени даром не теряла, и через сорок минут после начала операции весь отряд очутился во владениях Крапивина. Задача, стоявшая перед ними, казалась невыполнимой. Дом выглядел неприступным, как замок феодала. Массивную входную дверь лучше всего было бы открыть «родными» ключами или танком, в крайнем случае, прямой наводкой из пушки. В двойных рамах первого этажа стояли пуленепробиваемые стекла.

К счастью, среди людей Крапивина нашлась добрая душа, с пониманием и сочувствием отнесшаяся к проблемам нападавших. Балконная дверь на втором этаже в торце здания была приоткрыта. Слегка, но если одеть оптику и присмотреться, то можно увидеть. Бойцы не замедлили воспользоваться троянским балконом.

– Знакомьтесь, жилец этой комнаты, – указал на плавающего в луже собственной крови мужчину крепко сбитый парень, который и был предателем. – Его балкон расположен укромнее остальных. Пришлось заскочить перед сном, спросить пароль сайта «Некросекс».

– Похоже, его ответ тебя маленько обидел, – заметил командир отряда. – Ладно, шутки в сторону. Рассказывай, в каких хатах сосредоточены люди и где находится хозяин.

После окончательной рекогносцировки бойцы рассыпались по коридорам. С одетыми респираторами и небольшими баллонами в руках они больше всего походили на работников санэпидемстанции, проводящих полную дезинфек-

цию здания.

Когда все комнаты были обработаны усыпляющим газом, нападавшие взломали дверь в спальню хозяина особняка. Крапивин лишний раз подтвердил свою репутацию. Рядом с ним на огромной кровати, которая вполне могла послужить ареной для небольшого танкового сражения, спала девица лет двадцати. Судя по выражению ее лица, интимное общение с Нефтяным Бароном мало способствовало приятным сновидениям. Наверняка ей снились кошмары. Что ж, пробуждение станет их достойным продолжением. Хотя как посмотреть. По сравнению с тем, что ожидает Крапивина, будущие неприятности женщины выглядели ничтожно мелкими, словно вирус табачной мозаики.

Когда-то симпатичный домик, расположенный в нескольких шагах от моря, принадлежал ученым. Он так и назывался – Всесоюзный Дом Отдыха Ученых. Здесь поправляли здоровье профессора и академики, члены-корреспонденты и лауреаты Сталинских и Ленинских премий. Но вот не стало Союза, затем ученых, способных оплатить хотя бы часть стоимости путевки. В доме начали табуниться личности, за слово «логарифм» или «квazar» бьющие собеседника в морду, «чтоб не оскорблял, падла, в другой раз». Этот разгул демократии продолжался до тех пор, пока на дом не положил глаз Хомутов. А что, место дивное, рядышком знаменитый далеко за пределами Крыма Никитский ботанический

сад, все благоухает и цветет.

Отхваченный Нефтяным Бароном лакомый кусочек обнесли забором, вдоль которого постоянно курсировали охранники с немецкими овчарками. С виду собачки не очень грозные, но ведь специально отобранные и обученные лучшими инструкторами. Однажды бестолковый Василий привез своего дога, огромного, как шкаф, и натравил на одного из сторожевых псов. Дог был раза в два тяжелее, но он напал так, покусаться. От более серьезных занятий еще его деды с прадедами отучились. Овчарка была настроена куда решительнее. Одним прыжком она оказалась сбоку гиганта, а со вторым вцепилась ему в горло. От верной гибели дога спас прибежавший на шум хозяин овчарки.

Часть моря напротив дома шириной триста и длиной сто метров были огорожена сеткой из специально обработанного, чтобы не ржавела в морской воде, металла. На всем протяжении она почти на метр выступала из воды. На шести вышках – двух на дальней от берега стороне и по одной на боковых и угловых – дежурили автоматчики.

В одной из комнат первого этажа особняка находилась станция слежения. Два сканера круглосуточно прощупывали близлежащее море. Первый дотошно обследовал огороженный участок воды, давая знать о появлении там любых движущихся предметов крупнее скумбрии. Второй следил за морской толщей вне владений Егора Афанасьевича, и поднимал тревогу в зависимости от величины обнаруженного

объекта и расстояния до него. Скажем, ныряльщику надо было оказаться не дальше, чем в трехстах метрах от изгороди, чтобы им занялись суровые люди с автоматами для подводной стрельбы. А незнакомой субмарине грозило навечно опуститься на морское дно, едва она попадала в поле зрения приборов.

В связи с реальной угрозой нападения на этот раз были предприняты чрезвычайные меры безопасности. Несколько десятков одетых в штатское охранников Хомутова бродили по прилегающей к его владениям территории, живо интересуясь всем, что вызывало хотя бы малейшее подозрение. Местные блюстители закона работали в усиленном режиме, старательно отрабатывая полученную ими кругленькую сумму. Подозрительных отлавливали косяками, участки были забиты, даже в Ялте снизился уровень преступности, но все тщетно. Либо противник умел идеально маскировать свои замыслы, либо жизни Егора Афанасьевича ничто не угрожало.

До сегодняшнего утра Хомутов еще мог надеяться на последнее, но известие о похищении Крапивина расставило все на свои места. Значит, для начала они решили избавиться от его самого надежного союзника. Ясно, почему поиски злоумышленников не дали никаких результатов. Дьяконов и компания занимались другой операцией, теперь им требуется время, чтобы перегруппировать силы и затеять новую охоту. А шиш вам! Янычар, правда, не смог пока взять

на мушку Дьяконова, но дни Мусорщика и Хозяина Горы сочтены.

Егор Афанасьевич на всякий случай связался с Ахтубом и Бугровым. Слава Богу, оба живы и здоровы. Хомутов не знал о предательстве Третьего Нефтяного Барона, продолжая считать его своим другом и союзником.

В компании сына и невестки он спустился вниз и ступил на разогретый солнцем песочек, привезенный сюда по его требованию. Гальку Хомутов терпеть не мог. Как и одиночества. Но первое он исправил шутя, а вот со вторым ничего не мог поделать. Его первая и последняя жена умерла три года тому назад. Со второй он давным-давно развелся. Да и не жена она ему была вовсе, а так, элитный производитель. Тридцать с лишним лет тому назад Егор Афанасьевич, хотя и близко не достиг нынешних вершин, являлся в своем бизнесе одним из первых. А Василий характером пошел в мать. Только та была женщиной доброй и покладистой, а сын – слюнтяем и размазней. И возникла у Хомутова идея-фикс: сделать себе наследника, достойного отца. А для этого требовалась женщина волевая, решительная, умеющая по жизни добиваться поставленной цели, что гарантировало будущему ребенку необходимую наследственность. И, желательно, молодой, чтобы, значит, полезное дело было максимально приятным. А кто в молодости добивается успеха, свидетельствующего о трудолюбии и целеустремленности? Ведь, не валютные проститутки. Чаще всего актрисы, спортсмен-

ки, певички эстрадные. Ну, последних Егор Афанасьевич от-
мел сразу же. Их путь к славе слишком часто лежит через
постель. И спортсменки его почему-то не вдохновляли, осо-
бенно после того, как посмотрел олимпийские соревнования
по гребле.

На одной из презентаций Хомутова познакомили с мо-
лоденькой оперной певицей, надеждой российской сцены,
которой требовались деньги для поездки на какой-то пре-
стижный международный конкурс. Как говорится, на лов-
ца и зверь бежит, тем более что певица, как выяснилось,
какими-то уникальными природными данными не обладала
и достигла успехов прежде всего благодаря огромному тру-
долюбию и стремлению быть первой. Теперь Хомутов бо-
ялся только одного – что пойдут одни девочки. Но страхи
оказались напрасными, и мальчик удался на славу. Правда,
все желаемые качества сына обнаружили гораздо позже,
а в те времена Хомутов находился в состоянии перманентно-
го конфликта со своей артисткой. Какие она ему закатывала
концерты – в Большой театр ходить не надо. Увы, те же каче-
ства, которые делали певицу идеальной матерью наследни-
ка, превратили ее в худшую из жен. Она отказывалась слепо
повиноваться мужу и не собиралась сидеть дома с ребенком.
Она рвалась обратно на сцену.

– Я не желаю, чтобы меня все знали, как твою жену. Я
хочу, чтобы тебя знали, как моего мужа, – выкрикнула она
как-то в запальчивости.

Такого непомерного тщеславия Егор Афанасьевич не мог ей простить. Они развелись, и когда певице объяснили, что Хомутов сумеет забрать ребенка через суд, она согласилась отдать Юрия за царские отступные. И, похоже, не сильно переживала. А Егор Афанасьевич, решив больше не испытывать судьбу, вернулся к первой жене. Она простила, а, может, просто сделала вид. Этого он так никогда и не узнал. А теперь Хомутов остался не только без жены, но и без сына. Выходит, все его жертвы были напрасны.

Егор Афанасьевич зашел в воду. Бодрит. Он повернулся к Василию с невесткой и то ли спросил, то ли приказал:

– Ну что, поплыли?

Когда тройца оказалась метрах в сорока от берега, один из наблюдателей заметил на экране подозрительную точку. Он нажал кнопку, давая максимальное увеличение, и точка приобрела очертания морского животного около четырех метров длиной.

– Что за черт, – пробормотал он. – Для дельфина вроде великоват, да и не плавают они по одиночке. Поднимем тревогу?

Последняя фраза относилась к напарнику. Тот взглянул на соседний экран и с притворным сочувствием заметил:

– Ты бы, земля, хоть иногда интересовался, что в мире делается, тогда бы не маялся дурью. Тут недавно какие-то идиоты забрались в Ялтинский дельфинарий, оглушили сторожа и зачем-то выпустили крупного самца афалины. Ду-

маю, ты его и засек. Так что о тревоге забудь, а если делать нечего, позвони в дельфинарий, порадууй, что нашел их пропая. Хозяин потом тебе за ненужное рвение голову оторвет... Кстати, даже странно, почему столько шума из-за какого-то дельфина. И в газетах, и по телеку, и в компьютерных сетях, – добавил он с удивлением после небольшой паузы.

Его товарищ снова перешел на общий план, утратив всякий интерес к «дельфину». А зря. Подожди он еще минуту, увидел бы, как «безобидное» существо устремилось к берегу и вынырнуло на поверхность метрах в ста от внешней стороны ограды. Автоматчики на вышках заметили его, но тоже приняли за дельфина, тем более что от наблюдателей никаких сигналов на этот счет не поступало. Да и не научился еще человек делать подводные аппараты, являющиеся копиями дельфинов и способные плыть с их скоростью.

Разумеется, среди наблюдателей не было ихтиолога, который мог бы посмотреть в бинокль и убедиться, что перед ними не безобидная афалина, а черная косатка, в людоедстве вроде бы не замеченная, но способная расправиться с плывущим человеком похлеще акулы. Она медленно плыла на прежней дистанции, вентилируя легкие, и вдруг резко ушла под воду.

Автоматчики еще сожалели об исчезнувшем существе, хоть немного скрасившем их унылое бдение, как косатка вынырнула точно по середине между двумя вышками, шутя перемахнула через ограду и устремилась к пловцам.

Автоматчики схватились за оружие, но куда там. Способная развивать скорость до пятидесяти километров в час, косатка за несколько секунд вплотную приблизилась к купальщикам. В такой ситуации стрелки рисковали пустить ко дну все охраняемое ими семейство. Да и не верили они, что милые, добрые дельфины могут убивать людей. И науке такие случаи не известны. Спасали – да, неоднократно, но чтобы убивать. К тому же большинство автоматчиков слышали про историю с дельфинарием и в мозгу тут же заклинила ассоциативная цепь: сбежал – не нашел сородичей – увидел людей – решил вернуться. И ни один из них не задал классического вопроса:

– Скажи, афалина, почему у тебя такие большие зубы?

Впрочем, они их еще не видели. Первой раскрытую пасть косатки рассмотрела жена Василия. Пронзительный визг, в котором не было ничего человеческого, лишь животный ужас, заставил автоматчиков вскинуть оружие. Поздно. Слегка изогнувшись, косатка подалась вперед. Голова Хомутова оказалась в ее пасти. Сомкнулись жуткие челюсти, дробя шейные позвонки, разрывая мясо и кровеносные сосуды. Тело Нефтяного Барона судорожно дернулось и замерло навсегда. Косатка открыла пасть и с отвращением (да, да – именно так показалось многим) вытолкнула языком изо рта человеческую голову. Голова плюхнулась в кровавое пятно, обдав морду чудовища алыми брызгами.

Василий, от страха забывший обо всем на свете, отчаян-

но греб к берегу, суматошно молотя по воде руками. Его жена, нахлебавшись воды, стала тонуть. Какой-то отчаянный стрелок прыгнул в воду, надеясь ее спасти. А косатка, сделав свое черное дело, моментально ушла на глубину, где ее не могли достать пули. Теперь можно было различить лишь стремительно несущийся у дна силуэт. Бойцы были уверены, что она хочет протаранить ограду на глубине и заранее предвкушали кровавую месть. Свалить ограду было по силам разве что кашалоту. Но буквально в нескольких метрах от нее косатка резко изменила направление движения, рванула на поверхность, свечкой взмыла в воздух и оказалась в открытом море. Суматошные очереди, выпущенные наиболее расторопными автоматчиками, цели не достигли, оказавшись чем-то вроде торжественного салюта в честь победителя. Но и проворному убийце недолго осталось. Бедный Вовчик умрет в цистерне, из которой преднамеренно сольют воду, а его, вернее, косаткино тело, оболуют бензином и сожгут. Тела же самого Вовчика уже давно не существовало в природе.

Шлиц бодрым шагом вошел в кабинет, энергично пожал руки собравшимся. Те отвечали вялыми рукопожатиями. А чего еще ожидать от глубоких стариков? Их было всего пятеро. Удо мог собрать в десять раз больше народа, однако не хотелось рисковать.

– Так-так-так, – проблеял Франц Крузе, впившись в него

подозрительным взглядом. – А скажи-ка мне, Удо, с кем мы с тобой веселились в ту незабываемую ночь на карнавале в Рио?

– Что-то не помню я такой ночи, – моментально отреагировал Шлиц.

– Это хорошо, что не помнишь, – заметил Крузе. – И я, между прочим, тоже.

– А что было в закрытом футляре, что ты прислал как свадебный подарок моей дочери? – спросил Анри Ларош.

– Перстень с розовым бриллиантом чистейшей воды. Я знал, что ей идет розовый цвет и таким образом хотел хоть частично искупить вину за свое вынужденное отсутствие.

Ларош важно кивнул головой, давая понять, что он полностью удовлетворен ответом.

– А помнишь, Удо, какую шутку мы сыграли с ОТМ-компани, когда..., – начал было Вальтер Хофмайстер.

– Да ты с ума сошел, – резко оборвал его Шлиц. – Нашел, что вспоминать.

– Нехорошо, Удо, говорить так о друзьях. Хотя, действительно, дернул меня черт за язык, дурака старого.

На какое-то время наступила тишина. Финансовые магнаты соотносили фантастическую идею с сидевшим перед ними реальным человеком и, кажется, начинали понимать, что самая заманчивая сказка человечества на их глазах становится былью.

– Ну, что, убедились? Может, наконец, перейдем к делу? –

предложил Адольф Тиле.

Шлиц так до сих пор и не понял, то ли у Адольфа от природы страсть руководить и направлять, то ли имя обязывает.

– Перейдем, – согласился Франц Крузе. – Говори, Удо, мы внимательно слушаем.

Шлиц слегка замялся. Он ожидал большого накала страстей, кучи вопросов, жарких споров, возможно, нежелательных инцидентов. А тут... Очень все гладко. Может, серьезные неприятности еще впереди? Ладно, как говорил тот русский – вперед и с песнями.

– Мои партнеры, которые по вполне понятным причинам не спешат обнародовать свои имена, заинтересованы в немедленном расширении дела. Одному мне решить такую задачу явно не по силам. Я собрал вас, самых проверенных жизнью людей, чтобы решить три взаимосвязанные проблемы. Во-первых, предложить вам стать клиентами той фирмы, чьи интересы я сейчас представляю совершенно безвозмездно. Точнее, бесплатно. Сами понимаете, они же не будут сидеть, сложа руки, ожидая, когда состарится это мое тело. Поэтому я очень заинтересован, чтобы пересадки шли нескончаемым потоком. Во-вторых, я надеюсь, что и вы тоже подыщите желающих купить билет в Вечность. И, в-третьих, мы должны использовать свое влияние и деньги, чтобы ни одно правительство, ни при каких условиях не попыталось уничтожить дело моих партнеров и отнять у нас право на новые тела.

– А эта операция... насколько велик риск? – поинтересовался осторожный Франц Крузе.

– Ты сам видишь. Уже прошло столько времени, а я жив- здоров и никаких послеоперационных осложнений.

– Мало ли. Вдруг на одну удачную операцию приходится десять с летальным исходом.

– Ты можешь отправиться к ним, когда окажешься одной ногой в могиле и не будет ни малейших шансов на выздоровление. Только где гарантия, что доберешься туда живым?! – неожиданно вспыхнул Удо.

Его разозлила не трусость Крузе, а то, что им пересадка обойдется всего в сто миллионов, тогда как он выложил ровно миллиард. И не то, чтобы Шлиц сильно обеднел, просто он заплатил за товар больше всех остальных, а это не в его правилах. Надо думать, с расширением дела стоимость одной операции упадет еще больше. Черт, до чего же не вовремя он тогда собрался умирать.

– Не горячись, Удо, – вмешался молчаливый до сих пор Марио Гамба. – Ты же сам говорил, что необходимо затратить определенные средства для воздействия на правительства. Но прежде, как мне кажется, надо выяснить, многие ли готовы к пересадке, иначе выкинем денежки на ветер.

Шлиц нервно дернул плечом. Он же им немецким языком говорил, что в первую очередь хочет выяснить их личное отношение к пересадке. Или Марио на старости лет стал понимать только по-итальянски? Ладно, поставим вопрос реб-

ром.

– Есть ли среди вас желающие в ближайшее время получить новое тело, и, значит, новую жизнь? – спросил он.

– Да! – первый ответил Адольф Тиле.

– Да! – подхватили Лярош, Гамба и Крузе.

– Да! – последним нерешительно отозвался Вальтер Хофмайстер.

Шлиц удивленно посмотрел на друга, такого же близкого, как и покойный Кречмер. Он же всегда отличался редкостным жизнелюбием и страстью к авантюрам. Достаточно вспомнить ту же историю с ОТМ-компани. Ах, да, как же он сразу не подумал. Уже давно Вальтер вкладывал деньги в производство медицинских приборов. Сперва чуть-чуть, а сейчас, надо полагать, направил туда большую часть своих капиталов. Что ж, разумно. Медицина нынче одна из перспективных отраслей. Благосостояние людей в развитых странах неуклонно растет, и все они хотят жить долго и счастливо. Наверняка Вальтер зарабатывал огромные деньги. И тут, как снег не голову – пересадка. Вот он и пригорюнился. Только рановато. Пока среднему классу предстоит увеличивать свою жизнь традиционными методами: физкультура, лекарства, операции. Пересадка еще лет сто будет ему не по карману. Вот тогда Вальтер станешь горевать. А пока радуйся, твоя жизнь в надежных руках.

– С нами решено, – констатировал Тиле. – Теперь насчет других клиентов. У каждого из нас есть состоятельные зна-

комые тут, в Европе, но, думаю, надо безотлагательно связаться с нашими друзьями в Америке. Это же богатейший рынок сбыта.

И они заспорили о том, кого, в первую очередь, необходимо подключить здесь, в Европе, и там, в Америке, заспорили азартно, но деловито, словно обсуждали рыночные перспективы новой модели компьютера или туалетной бумаги.

– Ба! Денис Семенович, дорогой! – Дьяконов попытался изобразить на своем лице радость, но там так и осталось мерзкое злорадство. – И очень дорогой. Миллиардов шестьдесят стоишь, не меньше.

На мгновение в глазах Крапивина блеснула надежда и тут же угасла. Его уже пропустили через «болтунок» и вывели все, что хотели. Так что откупиться не удастся. Но разве мог он подумать, что придется страховать свои капиталы не только от воровства, но и грабежа, силы, превосходящей его собственную?

– Что же я собирался тебе сказать? Ага, вспомнил. Хочешь взглянуть на самую последнюю фотку своего друга. Вернее, две фотки, – Дьяконов сунул Крапивину фотографии. – На одной уважаемый Егор Афанасьевич не помещался. Туловище, понимаешь, отдельно, голова отдельно. А нечего в море часами плескаться. Там столько всякой гадости сейчас развелось...

– Ну и сволочь же ты! – забыв про страх, гневно бросил

Крапивин. – Напрасно Егор Афанасьевич тебя пожалел. Надо было, едва ты завел разговор о пересадке, немедленно от тебя избавляться. А он крови не хотел, ведь столько лет жили в мире.

– Дурак ты, Крапивин. Ну, убрал бы меня Хомут, так его бы потом Мусорщик или Лесной Царь шлепнул. Новое, в конце концов, всегда побеждает старое. Это аксиома. И мы будем монополистами самого ценного на Земле товара.

– Мало тебе? Столько нахапал, что из ушей лезет, а все равно жаждешь еще и еще.

– Смотрите, какой святой выискался. Прямо шестикрылый серафим. А не ты ли вместе с нами эту страну прибрал к рукам и доил ее много лет подряд?

– Не мы, так нашлись бы другие. России тогда хозяин был нужен, неважно, официальный или теневой. Мы еще по-божески с ней обошлись. А твоя затея продиктована не жизненной необходимостью, а банальной жаждой денег...

– Э, здесь ты, Семеныч, не прав, – перебил Крапивина Дьяконов. – Идеи, как говорится, витают в воздухе. Если бы не я, так через годик-другой пересадку затеяли в каком-нибудь другом месте. Так что и я руководствовался жизненной необходимостью.

– Не лги. Стоило тебе захватить хирурга с ассистентами, и о пересадках никто бы не заикался еще лет пятьдесят. Ведь предлагал Егор Афанасьевич оставить его для наших нужд. Куда там, у тебя на этот счет были совсем другие планы. За-

хотелось считать миллиарды десятками, а еще лучше сотнями. Ну-ну. Попомни мое слово, Арсений, жадность тебя погубит.

– При чем здесь деньги? Идиот, помешался на бабах и не хочешь понять элементарной вещи. Пересадка – это, в конечном счете, неофициальная власть над миром. Не над забитыми интеллигентами, вечно пьяными пролетариями и занюхаными крестьянами, а над самодовольными бюргерами, холеными аристократами, промышленными воротилами. Лет через сто я превращу доллар в бумажку, за которой поленится нагнуться даже нищий.

– Еще один патриот выискался. Пора менять скульптурную группу на Дьяконов, Минин и Пожарский, – усмехнулся Нефтяной Барон. – Можешь заливать кенарем перед кем-нибудь другим, а я тебя знаю, как облупленного. На страну тебе, конечно, начхать, а вот что сам хочешь стать властелином мира – охотно верю. На том и погоришь. Скорее бы.

Железный Король вскочил и нервно сжал кулаки, словно хотел ударить бывшего компаньона, но тут же взял себя в руки, медленно уселся и по лицу его вновь заструилась подкожная улыбочка.;

– Ладно, хватит болтать попусту, перейдем к делу. Погорю я или не погорю – время покажет, а вот тебе я без всякой гадалки абсолютно точно предскажу смерть скорую, но приятную. Ты ведь у нас женщин очень любишь. Рискованное увлечение в твои шестьдесят восемь. Так вот, подобрал я

тебе одну красавицу. Девочка старательная, и если поручить ей какое-нибудь дело, обязательно доведет его до конца. На этот раз я приказал ей затрахать тебя до смерти, – с этими словами Дьяконов нажал кнопку селектора и сказал. – Любушка, прелесть моя, заходи.

Крапивин жадно впился глазами в открывающуюся дверь. Когда Любушка появилась на пороге, он невольно облегченно вздохнул. Дьяконов сильно поскромничал, назвав ее «прелестью». Если бы Парису довелось выбирать между ней и Афродитой, вряд ли яблоко раздора досталось богине любви. Впервые за время нахождения в плену Денис Семенович едва заметно улыбнулся. Как-то не вязался облик изысканной красавицы со смертью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.